

ГЕРМЕТИКОН

ВАДИМ ПАНОВ

ПОСЛЕДНИЙ АДМИРАЛ ЗАГРАТЫ

Вадим Юрьевич Панов
Последний адмирал Заграты
Серия «Герметикон», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=601015
Последний адмирал Заграты: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-47364-9

Аннотация

Давно затерялся в глубинах Пустоты Изначальный мир, и память о нем сохранилась только в древних легендах. Эпоха сменяла эпоху, возникла и рухнула великая Империя, достижения алхимии позволили летать сквозь Пустоту и вновь связали расселившихся по Вселенной людей.

Но ничто не в силах побороть извечное стремление к власти и наживе. И когда в пустынях Заграты были обнаружены несметные запасы нефти, планета погрузилась в кровавую пучину бунта и гражданской войны. А в эпицентре этой безумной круговерти оказался межзвездный скиталец Помпилио Чезаре Фаха дер Даген Тур – адиген из рода даров, командор Астрологического флота и бамбадао.

(Согласно желанию правообладателя, сейчас вы можете приобрести текстовую версию книги – без внутренних иллюстраций.)

Содержание

Пролог,	4
Глава 1,	18
Глава 2,	51
Глава 3,	128
Конец ознакомительного фрагмента.	156

Вадим Панов

Последний адмирал Заграты

Пролог,

*в котором, как это часто бывает,
медленно проявляются контуры
будущего, но никто понятия не
имеет, каким оно окажется*

– «...таким образом, любезный кузен, я настоятельно рекомендую принять мой план мирного раздела Заграты и согласиться с тем, что на юге континента будет создано Инкийское королевство. Его столицей я вижу Зюйдбург. А его властителем – себя. В дальнейшем ты можешь рассчитывать на крепкую дружбу...»

– Наглец! – не сдержался генерал Махони.

Командующий королевскими вооруженными силами славился взрывным характером и далекими от идеала манерами. Он искренне считал, что зычный голос, крепкие словечки и умение по малейшему поводу выходить из себя явля-

ются качествами настоящего полководца. К сожалению, базировалась эта вера лишь на мемуарах военачальников, которые молодой Махони тщательно штудировал в дни романтической юности – настоящий боевой опыт у генерала отсутствовал.

– Я считал, что Нестора придется расстрелять, как человека чести! А теперь вижу, что он должен болтаться на веревке, как подлый разбойник! Да! Именно на веревке! Пусть обделается перед смертью.

Остальные сановники встретили выпад бравого Махони молчанием. Никто не поддержал генерала, что неприятно кольнуло наблюдавшего за их реакцией короля. Никто не выразил желания лично вздернуть Нестора или хотя бы оплатить веревку.

«Надеюсь, им помешало хорошее воспитание, – угрюмо подумал Генрих II. – Воспитание – и ничто иное».

Неприятная пауза затягивалась, и король едва заметно кивнул секретарю, приказывая продолжить чтение.

– «Считаю также, любезный кузен, что наши подданные пролили достаточно крови и дальнейшее противостояние способно погубить Заграту. Зато плечом к плечу мы приведем наш славный мир к процветанию...»

– Достаточно!

Нестор дер Фунье составил послание в форме личного письма, адресованного «любезному кузену», и ни разу не упомянул официальный титул Генриха. Такое обращение са-

мо по себе являлось оскорблением, но на фоне остальных деяний мятежного адигена¹ эта дерзость казалась незначительным штрихом.

– Теперь мы точно знаем, чего он добивается, – обронил Стачик, генеральный казначей Заграты. – Маски, так сказать, сброшены, и пути назад нет.

Произнеся эту фразу, Стачик опустил взгляд и хрустнул длинными пальцами. Ему не хотелось ничего говорить, однако воцарившаяся в кабинете тишина угнетала казначея сильнее, чем необходимость начинать неприятный разговор.

– Мы знали его цель с самого начала, – скрипнул генерал Джефферсон, толстый начальник загратийской полиции, обладающий уникальной способностью потеть при любых обстоятельствах, даже на лютom морозе. А поскольку в королевском кабинете было душновато, голубой мундир главного полицейского давно стал черным под мышками. – Нестор дер Фунье рвется к власти.

– Как все адигены, – добавил премьер-министр Фаулз и томным жестом поднес к лицу надушенный платок – его раздражал простецкий запах Джефферсона.

– Я сам адиген, – хмуро напомнил Генрих II.

– Вы наш король, и вы загратиец. – Фаулз почтительно склонил голову. – А они – пришлые и всегда будут считать себя адигенами.

---

¹ Смысл этого и других принятых в Герметиконе терминов разъясняется в словаре (*прим. ред.*).

Знатью, стоящей выше всех по праву рождения.

«Ты – адиген, а значит, мир неважен, – вспомнил Генрих слова бабушки. – Ты всегда будешь первым».

«Я буду первым, потому что я – будущий король Заграты!» – Так он ответил тогда, взмахнув при этом игрушечной саблей. И сильно удивился, увидев на лице старухи улыбку.

– Ваш дед дал загратийским адигенам чересчур много прав, – развил свою мысль премьер-министр. – Сейчас, разумеется, мы не станем их беспокоить, но после восстановления порядка некоторые акты имеет смысл пересмотреть.

«Имеет смысл» – любимое выражение Фаулза. Лидер верноподданной монархической партии, которая вот уже двести лет, с тех пор как Георг IV даровал загратийцам парламент, уверенно выигрывала выборы, считал, что это словосочетание прибавляет сказанному веса. Он беспокоился о своем политическом весе гораздо больше, чем о государственных делах, потому-то и не забывал поливать грязью никогда и ни за кого не голосовавших адигенов.

– Адигены – зло, – кивнул Махони.

– Большинство из них лояльны короне, – напомнил потный Джефферсон.

– Чтобы испортить мед, достаточно одной паршивой пчелы.

– Значит, нужно эту пчелу раздавить, – полицейский промокнул лоб и скомкал платок в руке. – Пока не пришлось жечь весь улей.

А Генрих вдруг подумал, что жест Джефферсона мог быть красноречивее, агрессивнее. Чуть приподнять руку, чуть крепче сжать кулак, возможно – чуть потрясти им... Но начальник полиции скомкал платок, как нервная барышня, чей кавалер отправился танцевать с другой, и тем не порадовал короля.

– Время для бунта Нестор выбрал неудачное, – печально вздохнул генеральный казначей. – Экстренные закупки продовольствия истощили резервы.

– Потому Нестор и ударил, – объяснил Джефферсон, вытирая пот с толстой шеи. – Неурожай оставил без работы сезонных рабочих, многие от отчаяния сбиваются в разбойничьи банды...

– С которыми вы не в состоянии справиться! – не преминул кольнуть старого недруга Махони.

Полицейский тяжело посмотрел на военного, потом на короля, на лице которого все отчетливее проявлялось выражение неудовольствия, однако уклоняться от словесной дуэли не стал:

– Хочу напомнить, генерал, что Нестор вышвырнул ваши гарнизоны так, словно они состояли из котят.

Махони оказался готов к отпору:

– Те полицейские, которые сохранили верность короне, бежали впереди отступающей армии.

– Половина которой ушла к Нестору.

– Не половина, а четверть.

– Чем вы, безусловно, гордитесь.

– Присутствующим хорошо известно о тонкостях ваших взаимоотношений, синьоры генералы, – язвительно произнес Фаулз.

Премьер-министр заметил, что Генрих вот-вот впадет в бешенство, и поспешил сгладить ситуацию.

– У меня еще не было возможности вступить с Нестором в настоящий бой, – проворчал Махони, перехватив яростный взгляд короля.

– И радуйтесь, – буркнул Джефферсон.

Генрих со значением поднял брови, однако полицейский, к некоторому удивлению короля, его взгляд выдержал. Старый генерал сказал то, что думал, не оскорбил Махони, а напомнил об общеизвестном факте: у Нестора, в отличие от командующего королевскими вооруженными силами, с боевым опытом было всё в порядке. Его мечтали видеть в своих рядах лучшие армии Герметикона, однако дер Фунье решил заняться политикой...

– Армия должна получать денежное довольствие, а казначей решил сэкономить, – подал голос Махони. – Нестор банально купил наши войска.

– Хочу напомнить, что нам нужно было спасти северные провинции от голода, – торопливо произнес Стачик.

– А откуда деньги у Нестора? – осведомился Фаулз. – Он содержит наемников, подкупает наши войска, а это, знаете ли, весьма существенные суммы.

– Проблема не в том, что у Нестора есть деньги, а в том, что их нет у нас, – грубовато оборвал дискуссию король. Помолчал и бросил: – Я хочу понять ситуацию.

«Они растеряны, они в замешательстве, они не знают, что делать. Они справлялись со своими обязанностями в мирное время, но рассыпались, едва начались настоящие трудности. Они...»

«Они не адигены», – сказала бы бабушка, презрительно выпятив нижнюю губу. И Генрих мысленно согласился со старухой: «Да, не адигены».

И Джефферсон, и Стачик, и Фаулз, и Махони – все они обычные люди, волею судьбы занесенные на вершину власти. Превосходный исполнитель, ловкий интриган, прожженный популист и откровенный карьерист – полный набор политических портретов современности. И ни один, к сожалению, не обладает всеокрушающей уверенностью в собственных силах, которой славились чистокровные адигены.

«Эту уверенность должен вселять в них я...»

Тем временем секретарь раздвинул шторы, за которыми скрывалась огромная, во всю стену, карта континента, и Махони, поморщившись, отправился докладывать обстановку:

– Десять дней, которые прошли с начала мятежа, Нестор использовал с максимальной выгодой. Сейчас он полностью контролирует семь провинций левого берега Касы, вплоть до Урсанского озера, которое дер Фунье решил считать северной границей своего будущего королевства. – Генерал

выдавил из себя презрительный смешок, однако, никем не поддержанный, поспешил стереть с лица наигранную веселость. – Наместники или примкнули к мятежнику, или были изгнаны. В некоторых правобережных провинциях тоже отмечены волнения, однако Нестор Касу не переходит...

– Не хочет или боится?

– Полагаю, ждет нашего хода, ваше величество.

«Ждет? Логично. Дебют за Нестором, теперь наша очередь. И, как ни печально, наш ход предсказуем...»

Король внимательно посмотрел на карту, мысленно разделив континент на две части, после чего уточнил:

– Инкйские горы?

– Полностью под властью Нестора.

– Выход к Азеанской пустыне?

– Тоже.

– Азеанская пустыня, ваше величество? – Фаулз не смог справиться с удивлением. – Какое нам дело до этой безжизненной местности?

– Это моя земля, – холодно объяснил Генрих, не отводя глаз от карты. – Разве нет?

– Именно так, ваше величество, – подтвердил Фаулз. – Просто в Азеанской пустыне никто не живет, вот я и подумал...

То ли Фаулз уже перестал считать южные провинции собственностью короны, то ли попросту не понимал, для чего кому-то может понадобиться бесплодная пустыня, ведь там

нет избирателей...

– Главной потерей следует считать Инкийские горы, без руды которых наша промышленность...

– Главной потерей следует считать семь провинций, жители которых почти в полном составе поддержали мятежника! – рявкнул Джефферсон. – Проблема в людях, а не в горах!

– Но наша промышленность...

Король почувствовал нестерпимое желание выпороть Фаулза. На конюшне, разумеется, и чтобы все, как положено: вопли, слезы, свистящая плетка... Шеренга цивилизованных предков возмутилась: «Как можно?», и только бабушка выдала грустную улыбку: «Мысль хорошая, но запоздалая».

«Эх, бабушка, бабушка... Что бы ты сказала, узнав, что я потерял семь провинций за десять дней?»

В следующий миг Генрих пережил острый приступ жалости к себе, после которого пришла злость.

– Махони!

– Слушаю, ваше величество! – Генерал по-прежнему торчал у карты.

– Что у Нестора с войсками?

– По нашим оценкам, армия мятежников не превышает двенадцати тысяч человек, из которых около четырех тысяч – кавалерия. Примерно треть от числа составляют наемники, еще треть – наши войска, перешедшие на сторону Нестора, остальное – ополчение. Мобилизацию в захваченных про-

винциях Нестор не проводит, ограничивается добровольцами, но в них недостатка нет. – Махони злобно посмотрел на Стачика: – Денег у мятежника полно.

Генеральный казначей безразлично пожал плечами.

– Тяжелой техники у Нестора нет, и промышленность Зюйдбурга ее не даст, – продолжил генерал, не дождавшись хоть какой-нибудь реакции на свой выпад. – Южные заводы способны производить патроны, гранаты, холодное и стрелковое оружие, но артиллерия и уж тем более бронетяги им не по зубам.

Мог бы и не уточнять, поскольку артиллерию и бронетяги на Заграте никогда не производили. И захватить тяжелую технику Нестору было негде – вся она, включая и единственный бронепоезд, была сосредоточена в Альбурге, под зорким королевским оком.

– К тому же у нас есть два импакто, – робко напомнил Фаулз.

– А еще – тридцатитысячная армия. И возможность формировать ополчение. И бронетяги с артиллерией. И бронепоезд. И два импакто...

Генрих почувствовал прилив уверенности в собственных силах.

«Раздавлю!»

Нестор справился с гарнизонами? Ха! Там были жалкие рекруты, вставшие под ружье от безысходности. Теперь же мятежнику придется встретиться с бригадой бронированных

машин, воздушными крейсерами, драгунскими полками и отборными солдатами королевской гвардии! Там и посмотрим, кто кого!

– Я ведь сказал, что мы еще не сражались, ваше величество, – проворчал Махони.

Он словно прочитал мысли Генриха.

«Раздавлю!»

– У Нестора есть паротяги, – напомнил Джефферсон, извлекая из кармана чистый платок. – Их можно переделать...

– Нормальной брони промышленность Зюйдбурга не даст, а то, что они сделают на коленке, мы разнесем в пух и перья! – Проштудированные Махони мемуары свидетельствовали: подавляющее преимущество гарантирует победу, и у генерала выросли крылья. – Одно сражение, и мятежник будет... – Быстрый взгляд на Джефферсона. – И мятежник будет повешен.

– Сначала он должен предстать перед судом, – заметил Фаулз. – Имеет смысл преподать урок всем адигенам. На будущее.

– Сначала Нестора нужно разбить, – просипел Джефферсон. – И при этом удержать правый берег от волнений.

– Мы в выигрышном положении, ваше величество, – кашлянув, вступил в разговор Стачик. Генеральный казначей подумал, что сейчас самое время продемонстрировать «прагматичный взгляд» на сложившуюся ситуацию. – Альбург – сферопорт Заграты, а значит, мир в наших руках. Мы

всегда будем полностью контролировать Нестора с его Инкйским королевством...

– Что?!

Замечание Стачика было абсолютно правильным, но прозвучало оно, мягко говоря, не вовремя.

– Я, наверное, ослышался. – У короля задержалось левое веко. – Вы предлагаете принять условия бунтовщика?

«Раздавлю!»

Генеральный казначей похолодел. Джефферсон набрал в щеки воздух и выдал тихое, но негодующее «пу-пу-пу». Фаулз неприятно улыбнулся – он терпеть не мог Стачика. Махони соорудил на лице презрительную гримасу.

– Я просчитываю варианты, ваше величество, и, возможно, не очень хорошо выразился, – поспешил оправдаться казначей. – Время за нас. Пусть Нестор и выиграл дебют, в дальнейшем он обречен. Мы контролируем поставки на Заграту иотрежем его от...

– Время против нас! – громко произнес Махони. – Когда Нестор поймет, что мы выжидаем, он перейдет Касу и вторгнется в северные провинции. А народ, как я уже говорил, неспокоен...

Генералу очень хотелось подраться. Разгром южных гарнизонов Махони счел оскорблением и мечтал как можно скорее смыть с себя позор.

– Фаулз, сообщите ваше мнение о настроениях загратийцев.

– В парламенте кипят страсти, ваше величество, – протянул премьер-министр. – Если бы выборы состоялись в ближайшие дни, мы проиграли бы их с треском. И призывы Трудовой партии кажутся весьма опасными. . .

– У нас серьезнейшее совещание, – с трудом сдерживая гнев, произнес Генрих. – И я не хочу, чтобы вы использовали слова «кажется», «вроде бы», «наверное» и им подобные. Трудовая партия поддержала мятежников?

– Нет.

– Вопрос закрыт.

Отчитанный Фаулз покраснел и опустил глаза.

– А я все-таки приостановил бы на время деятельность парламента, – неожиданно вступился за премьер-министра Джефферсон.

Король удивленно воззрился на старого полицейского.

– У нас есть повод?

– У нас есть причина.

– Огласите ее.

– Нестор дер Фунье, ваше величество. До тех пор, пока мы его не разобьем, все политические силы Заграты обязаны перестать раскачивать лодку и сплотиться вокруг короны. Я считаю, что Трудовая партия вносит изрядную лепту в настроения северян. Их лидеры заявляют, что голод спровоцирован бездарными действиями правительства, и тем подрывают вашу власть.

– Мою власть? – изумился Генрих. – Джефферсон, опом-

нитесь!

– Монархическая партия ассоциируется у людей с короной, ваше величество. Их ошибки – это ваши ошибки.

Да уж, править мирным государством куда проще.

Король покачал головой:

– Заграта – не лодка, Джефферсон, а большой корабль, который невозможно перевернуть. Но вы правы: лишние волнения ни к чему, и если у нас нет повода разгонять парламент или запрещать Трудовую партию, мы не станем ничего делать. Подданные должны видеть, что король уверен в своих силах.

– Да, ваше величество, – кивнул полицейский. – Совершенно с вами согласен.

– Но я понимаю ваши опасения, Джефферсон, – продолжил Генрих. – А потому уже завтра вы должны сообщить, какое количество войск необходимо оставить для поддержания на севере порядка.

Решение принято, и решение это – окончательное.

«Раздавлю!»

Король поднялся на ноги.

– Мы с генералом Махони отправляемся в экспедицию на юг. Пора преподать урок «любезному кузену» и показать, что в нашем мире всегда будет одно королевство – Загратийское.

Глава 1, **которая наполнена Пустотой** **и окутана заграничной ночью.** **Бабарский совершает подвиг, а** **Феликс Вебер делает свою работу**

«Говорят, в Вечных Дырах Пустоты не было. То есть – совсем. Говорят, что они пронзали пустоту не как нынешние переходы и тем хранили людей от Знаков. Говорят, что Вечные Дыры были венцом человеческой мысли, результатом гениального озарения. Говорят, что Бог тогда улыбался и потому позволил проткнуть пространство прочными нитями, которым дали название Вечных.

Они давно порвались.

Еще говорят, что алхимики и астрологи Герметикона знают секрет Вечных Дыр, однако не хотят им делиться, потому что...

Но я хочу написать не о Герметиконе и не о том, что было раньше. Я хочу написать о том, что сейчас. О Пустоте и ее Знаках. Об ужасе, который ожидает любого человека, рискнувшего отправиться в путешествие между мирами. О наказании, что обрушилось на людей после разрушения Вечных Дыр. О

Пустоте и ее Знаках.

Говорят, что к Пустоте можно привыкнуть.

Я верю, потому что возможности человеческие безграничны – мы доказали это, придумав Вечные Дыры.

Но я боюсь Пустоту. И все боятся. Я такой, как все.

Мое первое путешествие между мирами – я летел с Бахора на Герметикон – состояло из четырех переходов, и каждый из них был кошмаром. Даже в отсутствие Знаков, которые являются не всегда – простое ощущение Пустоты заставило меня дрожать и, если я правильно помню, скулить. За годы учебы я повзрослел и надеялся, что смогу справиться со страхом, но первый же переход показал, что я ошибся. И хотя перелет на Заграту дался мне легче первого путешествия, приятного в нем было мало. Меня тошнило до тех пор, пока я не впал в беспамятство.

В результате я почти смирился с тем, что останусь на Заграте навсегда, но... Но обретя «тихую гавань», я неожиданно понял, что меня неудержимо тянет в другие миры. Я смотрел на цеппели, и представлял себя на их борту. Я читал географические журналы и стискивал зубы, борясь с искушением бросить все и завербоваться в Астрологический флот. Я вспоминал ужасы своих немногих путешествий и убеждал себя, что смогу выдержать.

Я смогу, потому что хочу увидеть другие звезды.

Говорят, к Пустоте можно привыкнуть. Я верю в это, потому что мне трудно и скучно жить в одном

мире. Я хочу увидеть Вселенную. Я хочу увидеть весь Герметикон...»

из дневника Андреаса О. Мерсы alh. d.

Первый признак Пустоты – сирена.

Если ты не слышишь сирену, значит, ты летишь в слишком старой посудине или уже спятил. Если ты летишь в слишком старой посудине, у тебя есть шанс добраться до сферопорта, потому что астринги на полное барахло никогда не ставили, даже в начале Этой Эпохи. Надрываясь и крича, теряя гелий и куски обшивки, но из мира в мир цеппель прыгнет, даже самый древний, ведь строили его именно для этого. Развалится, но прыгнет. А вот если ты спятил, нужно смотреть, как: насовсем или накрыло Пустотой. Если насовсем, то не повезло. Если накрыло, то придется уповать на друзей. Друг в Пустоте – самое главное, больше рассчитывать не на кого.

Именно поэтому цепари во время переходов собираются вместе. Желательно в большой комнате с прочной дверью, которую нельзя выбить с одного, пусть даже и очень сильного удара. Ключ кладут на центр стола или же прячут в какой-нибудь ящик и запирают, но редко, потому что иногда переходы заканчиваются совсем не так, как хочется, и от того, насколько быстро ты покинешь падающий цеппель, зависит твоя бестолковая цепарская жизнь.

А на центр стола ключ кладут, чтобы видеть, кто за ним потянется. Накрытые в комнате не остаются, им нужно в Пу-

стоту, то есть – за борт. Они хватают ключ, бегут к двери, пытаются открыть замок, и у друзей есть время их остановить.

Если тебя накрыло, это ничего не значит, такое может приключиться с каждым: и с бродягой, и с адигеном. Поваляешься пару часов без сознания, придешь в себя, нажрешься в кабаке, заливая бедовкой пережитый ужас, а в следующем переходе даже не чихнешь. Когда тебя накрывает, это нормально. Если ты не ямауда, конечно, но ямауда – разговор отдельный, им родиться нужно. А ты – обычный цепарь, и твое спасение – друзья. И ключ, который должен лежать на центре стола.

Именно из-за ключа всё и пошло наперекосяк, точнее, из-за белокурой куртизанки Джулии – два цехина за ночь, и любовью каприз становится реальностью.

Бабарский по обыкновению задержался, влетел в уют-компанию перед самым переходом, а Форца, которому выпало запирать дверь, как раз лапал воздух, описывая Хасине знаменитые выпуклости Джулии и напропалую хвастаясь достижениями в их освоении. Хасина жадно внимал, одновременно пеняя себе на то, что провел вечер в игорном доме, а потому потерял бдительность. Дверь-то Форца запер, а вот ключи, распаленный воспоминаниями, привычно сунул в карман. Потом цеппель втянуло в Пустоту, и всем стало плевать на то, что на столе не хватает важнейшей детали. Абсолютно всем. Потому что в Пустоте значение имеет

только время.

А еще друзья и ключ.

Каждый переход пялит цепарей по-своему, и дело не только в Знаках. У Пустоты много лиц, и никогда не знаешь, каким из них она тебе оскалится. Никогда не знаешь, как ты на него среагируешь. Не знаешь, увидишь ли следующее. Все, что ты можешь, – это следить за часами да слушать, как медленно, но неотвратимо убегает из гондолы воздух. Для того и считают время – чтобы знать, когда открывать баллоны с кислородом.

А еще для того, чтобы понимать: выживешь или не повезло.

Переход из одного мира в другой может занять тридцать секунд, а может – четырнадцать минут. В портовых кабаках рассказывают истории о цеппелях, которых носило по Пустоте полчаса, однако взрослые цепари сказкам не верят. Все знают, что четырнадцать – время жизни, есть документальные свидетельства, а цеппелей, пошедших на пятнадцатую, больше никто не видел. И дело не в том, что у них кончился воздух – он еще не кончился, дело в том, что им не повезло с минутами. Их слишком много накопилось, больше четырнадцати.

Но убегающие от тебя воздух и время – еще полбеды. Самое плохое в Пустоте, кроме самой Пустоты, разумеется, это ее Знаки. Всякий раз разные и всякий раз страшные.

Они могут не прийти, тогда повезло. А могут и прийти.

Примерно через минуту перехода, когда ты полностью осознал, что находишься в самом центре того, чего на самом деле нет. Вот тогда они приходят и берут тебя за душу. Они изводят или выстреливают, могут скрутить в бараний рог человека или откусить половину цеппеля. Они – порождение Пустоты. Они то, чего нет.

– Три минуты, – сказал тогда Бабарский, который всегда клал перед собой часы во время перехода.

Три минуты – время детское, даже дышится еще нормально. Но три минуты – это поздние Знаки. А они самые паршивые, очень сильные, сразу бьющие наотмашь.

Три минуты...

И тиканье часов превращается в резкие удары, легко заглушившие вой сирены.

Секунда.

«Бамм!»

Секунда.

«Бамм!»

Ты не слышишь ничего больше, но вскоре различаешь легкий стук в дверь. И с удивлением понимаешь, что совершенно забыл о...

– «Старый друг» явился, – цедит сквозь зубы Хасина.

Знак этого Знака – капли осеннего дождя на стеклах и завывание ветра из-под двери. И гнетущее понимание того, что самый дорогой тебе человек не может спастись от разыгравшегося шторма. Но ты можешь ему помочь. Ты должен

ему помочь.

Знак этого Знака – капли осеннего дождя на стеклах и завывание ветра из-под двери. А спасение от этого Знака – быть эгоистом. Или же очень хорошо понимать, где реальность, а где Пустота.

Секунда.

«Бамм!»

Секунда...

– Четыре минуты!

Но все слышат:

«Бамм!»

– Он заблудился, – тихо говорит Форца. – Мы ведь ждали его к ужину.

Но его не слышат. Пустота хитра, она умеет выстраивать мизансцены так, чтобы взять свое. Все слышат только «Бамм!» и стараются не думать о том, что самый близкий тебе человек стоит за дверью. Все стараются думать о каком-нибудь дерьме: неудачной драке, закончившейся шрамом через всю физиономию, или крупном проигрыше в карты, потому что думать о хорошем – давать Пустоте лишний козырь. Она хитра, она тут же сменит «старого друга» на «обещание рая», и ты побежишь к своим мечтам прямо за борт. Думать о плохом тоже опасно, можно нарваться на «ночные кошмары», но этот Знак приходит редко. Пустота его почему-то не любит, Пустоте нравится убивать, вызывая к хорошим чувствам.

– Пять минут!

«Бамм!»

– Там же ураган!

Форца сидит неподвижно, но это ничего не значит – его уже накрыло. Нужно слушать, что он говорит, однако все слишком поглощены очередным:

«Бамм!»

Хасина медленно, но крепко кусает себя за руку. Нормальный выбор: у многих цепарей предплечья в шрамах. Поздние Знаки – это серьезно.

«Бамм!»

И тихий-тихий стук в дверь.

– Шесть минут!

Бабарский даже себя не слышит. Давит двумя руками на виски и не слышит. Но все равно говорит. Или ему кажется, что он говорит, потому что на самом деле Бабарский судорожно убеждает себя, что у него нет и никогда не было настоящих друзей.

– Я должен помочь!

Форца поднимается и тащится к двери на открытый мостик, одновременно вынимая из кармана ключи. Хасина встает, когда Форца уже преодолел половину пути. Бабарский ближе, но он «включается» позже. Его почти накрыло, и он с трудом стряхивает оцепенение.

Когда ключ на середине стола, он под контролем, его все видят. Когда же ключ остается в кармане...

– Я не бездушная тварь!

«Бамм!»

Оставшиеся на столе часы отсчитывают седьмую минуту.

Дверь распаивается, и Пустота начинает жрать воздух. Хасина, поняв, что не успеваает, прыгает, пытаясь ухватить Форцу за ногу, но промахивается. Форца с улыбкой выходит на открытый мостик, а Бабарский совершает подвиг. Он видит, что промахнувшийся Хасина скользит к открытой двери, тоже прыгает и отчаянным движением направляет друга в стенку. Хасина бьется головой и затихает в нескольких сантиметрах от проема. Бабарский держит его за ногу, плачет и молится. Бабарский видит, что неумолимая Пустота продолжает тянуть к себе бесчувственное тело, но продолжает держать Хасину за ногу, потому что друг в Пустоте – самое главное, и больше Хасине рассчитывать не на кого.

«Бамм!»

Пальцы заледенели, их сводит от напряжения, боли и страха.

«Бамм!»

Форцы нет. Воздуха почти нет, а часы невозмутимо отсчитывают следующую минуту.

После которой цеппель вываливается на Заграту.

* * *

Если среди бывалых, много чего повидавших цепарей за-

ходит разговор о ночных красотах... не красотках, а именно красотах, то в первую очередь они вспоминают миры, ухитрившиеся прихватить на главной вселенской распродаже больше одной луны. Два ночных светила Вуле, три красавицы Эрси... ночи на этих планетах переполнены причудливыми, поражающими воображение тенями, игра которых способна наполнить романтическими переживаниями даже самую черствую душу. Затем, если разговор еще не наскучил, а других тем не появилось, цепари вспоминают Луегару, вспоминают, как в полнолуние на ее небе появляется улыбающаяся физиономия – так забавно выстроились высоченные горы красного попутчика этого мира. И лишь после, выдержав подходящую моменту паузу, кто-нибудь веско бросит: «А как насчет Деригоны?» И бывалые цепари отвечают на вопрос понимающими улыбками. Насчет Деригоны никак, потому что она – вне конкуренции. Потому что тот, кто побывал на уникальной двойной планете, никогда ее не забудет. Потому что люди летят через весь Герметикон только для того, чтобы провести на Деригоне ночь.

Слово произнесено.

И разливаются по кружкам вино, бедовка или пиво: «За Деригону!»

И неважно, кто сидит за столом: пираты или вояки, контрабандисты или разведчики, торговцы или богатые путешественники, ветераны странствий по Герметикону или безусые юнцы – неважно. Важно то, что у тех, кто на Деригоне

бывал, щемит сердце, а у остальных горят глаза.

«За Деригону, братья-цепари! За самый красивый мир Герметикона!»

И никто, и никогда во время таких разговоров не вспоминал Заграту, потому что местная ночь показалась бы знающему цепарю заурядной, если не сказать – примитивной. Одна луна и россыпь звезд, что может быть проще? А сегодня и такой картинки не было: небо затянули низкие облака, и загратийская ночь потеряла даже минимальную выразительность. Простая темная ночь, замечательное время для темных дел. Настолько замечательное, что хоть в рамочку его вставляй, как образцовое.

– Двадцать лиг, – простонал синьор Кишкус и в отчаянии вцепился пальцами в жидкие волосы. – Всего двадцать лиг не доехали! Всего!

Несчастный винодел уставился на Вебера с такой надеждой, словно Феликс пообещал обернуться Добрым Праведником и чудесным образом решить возникшие проблемы.

– Двадцать лиг!

– Я видел указатель, синьор, – предельно вежливо отозвался Вебер. – И уверяю вас, что двадцать лиг – это мало. Можно сказать, мы уже в Альбурге, и беспокоиться не о чем.

– Это же Северный тракт, – взвизгнул Кишкус. – Северный! Вы что, вчера родились? Мы в диких лесах, и лишь святой Альстер знает, сколько вокруг бандитов! – Он умолк, опасливо прислушиваясь к царящей за стенками фургона ти-

шине, после чего воззвал к судьбе: – Ну почему? Почему это должно было случиться именно со мной и именно сейчас?

– Потому что вы меня не послушали, синьор, – спокойно ответил Вебер.

– Да! Феликс, почему я вас не послушал? Почему?

Винодел заломил руки.

– Потому, что ты упертый баран, Соломон, – прошипела синьора Кишкус. – Потому, что, если уж платишь бамбальеро сто пятьдесят цехинов, нужно слушать их советы!

Внутри фургона было темно и душно: едва грузовик остановился, Феликс приказал закрыть оба окошка железными ставнями и погасить фонарь. К тому же воняло бензином, запас которого хранился за металлической перегородкой, и нервными выбросами напуганного Кишкуса. Все вместе создавало омерзительную атмосферу, как нельзя более подходящую для злобной ругани.

– Я тоже не вчера родился!

– Из-за тебя мы слишком долго просидели в поместье! Соседи уехали неделю назад!

– Я думал об имуществе, женщина!

– Оно не стоит наших жизней! – Темнота, духота и мрачный лес вокруг заставили синьору Кишкус высказать супругу все накопившиеся претензии. – И чего ты добился своим упрямством? Поместье всё равно пришлось бросить на управляющего, а самим довериться этим бамбальеро, которые наверняка сбегут при первой же опасности!

– Я вас слышу, синьора, – подал голос Вебер.

– Не мешайте, Феликс, я ругаюсь с мужем. – Однако в голосе ее не оказалось и следа злости, с которой синьора набрасывалась на мужа.

Эдди и Хвастун заулыбались, они видели, что черноокая супруга тщедушного винодела – весьма аппетитная для своих сорока лет – прониклась нешуточным интересом к командиру наемников. Впрочем, не она первая, не она последняя. Провинциальные дамы живо интересовались мужественным альбиносом, хотя, если быть честным, внешность Феликса отнюдь не соответствовала общепринятым канонам красоты.

При ста девяноста шести сантиметрах роста Вебер обладал соответствующим разворотом плеч, однако руки его были чуть длиннее, чем того требовали классические пропорции. Узкое, изрядно вытянутое лицо красотой не отличалось, по большому счету его следовало бы назвать неприятным. То ли все портили красные глаза, то ли маленький рот с тонкими губами, то ли длинный нос. А может, и всё сразу, потому как даже по отдельности черты лица Феликса не производили достойного впечатления. Дам очаровывали волосы Вебера: густые, снежно-белые и длинные, которые он вязал в элегантный хвост, и щегольские костюмы: как и все вуленицы, Феликс никогда не появлялся на людях без шляпы, предпочитая черную, с широкими, прямыми полями, украшенную ремешком с серебряной пряжкой, и даже на работе

носил безупречные дорожные костюмы.

– Твоя жадность поражает воображение, Соломон, – продолжила синьора Кишкус. – Ты дожидался последних медяков от самых нищих арендаторов, а теперь мы вынуждены платить огромные деньги жадным наемникам.

– Должен быть порядок, дорогая, должны быть принципы.

– Не смей меня, Соломон, ты просто дурак.

Шипение разъяренной синьоры не лучшим образом дополняло духоту, темноту и вонь, но приходилось терпеть. К тому же супруга незадачливого Кишкуса была права: на Северном тракте они застряли из-за Соломона. Вебер предлагал добираться до Альбурга по старинке – на лошадях, что позволило бы им проложить непредсказуемый маршрут и, при должной удаче, избежать встречи с разбойниками. Однако Кишкус уперся, заявил, что лучший способ уклониться от бандитов – опередить их, и настоял на путешествии в новомодном автомобиле. Который взял, да и сломался в двадцати лигах от Альбурга.

– На твоё счастье, Соломон, я вовремя отправила к маме детей. В противном случае ты бы сейчас...

– Не надо, дорогая, я всё понял.

Несчастный Кишкус наконец сообразил, что его унижают в присутствии трех посмеивающихся мужиков, и попытался остановить экзекуцию. Но было поздно.

– Ты всё понял? Да что ты вообще можешь понять, кроме перспектив урожая? Ты агроном, Кишкус, просто агроном,

а я, вместо того чтобы заниматься собой, как это принято у женщин моего круга, вынуждена руководить предприятием! И об охране тоже позаботилась я! А ты даже не смог сбить цену, и теперь мы платим этим бандитам огромные и совершенно незаслуженные деньги...

– Это я тоже слышу, синьора.

– Феликс, не мешайте!

– Ни в коем случае, – усмехнулся Вебер, машинально прикоснувшись пальцами правой руки к полям шляпы. – Я стараюсь помочь.

И почувствовал на своей щеке нежные женские пальцы.

– Феликс, поверьте: я доверяю вам, как никому другому. Я вручила вам самое ценное, что у нас осталось: наши жизни.

И массивный сундучок, на котором синьора восседала. Как понимал Вебер, в нем лежали фамильные драгоценности и собранные с арендаторов деньги – все остальные сбережения виноделы хранили в банке. Сундучок, без сомнения, был дорог: сто пятьдесят цехинов за сопровождение просто так не выкладывают, но самое печальное заключалось в том, что о наличии в фургоне сундучка было известно не только бамбальеро.

– Ведь вы сильный и беспощадный... как эрханский мыр...

Будь в фургоне чуть светлее, тщедушный винодел наверняка увидел бы, как пальцы его жены ласкают шею наемника. Увидел и наверняка догадался бы, что произошло вчера,

во время «деловых переговоров»...

Феликс кашлянул.

– Я постараюсь оправдать доверие, синьора.

– Мама всегда говорила, что ты упрямая тряпка. – Синьора Кишкус вновь повернулась к мужу.

– Как можно быть упрямой тряпкой? – изумился тот.

– Не знаю, как, но у тебя получается!

Вебер едва слышно прошептал помощникам: «Держитесь!», на мгновение приоткрыл дверь и бесшумно выскользнул из фургона.

В безлунную прохладную тьму.

Если в заграбийской ночи и было хоть что-то интересное, так это, безусловно, запахи. Север континента лежал на границе субтропиков и летом пропитывался чарующими ароматами... всего. Деревья, кустарники и травы украшались цветущими бутонами всех придуманных Создателем оттенков, и многие из них благоухали круглые сутки. Люди романтического склада представляли летнюю Заграту большим садом, однако Вебер умело отсекал ненужные ароматы, выискивая запахи важные, от которых зависела его жизнь.

«Запах – это единственное, от чего человек не может избавиться и не в состоянии контролировать, – говорили учителя в Химмельсгартне. – Противник может затаиться, может часами лежать без движения, не издавая ни звука. Специальная одежда позволит ему слиться с местностью и тем он обманет твой взгляд. Но запах скрыть невозможно».

Запах пота, запах кожаных сапог, запах оружейной смазки. Сначала ты чувствуешь запах, потом слышишь дыхание и лишь потом видишь врага. А иногда и видеть необязательно: когда вокруг разлилась непроглядная тьма, хорошие бамбальеро стреляют на звук, а самые лучшие – на запах. Вебер был бамбадиром, следующей ступени посвящения еще не достиг, однако запахи улавливал не хуже охотничьей собаки.

– Когда поедем? – тихо поинтересовался вынырнувший из темноты Би.

– Как только починит.

– Мулевый червь, – выругался Би и проскользнул вдоль фургона. – Пни его.

– Спасибо за подсказку.

– Они рядом.

– Я знаю.

Фургон, вопреки возражениям Феликса, Кишкус нанял сам. Видимо, решил сэкономить. Машина Веберу понравилась: стальные стенки могли защитить даже от винтовочной пули, а вот шофер вызвал сомнения, хотя Соломон и рекомендовал его как надежного, давно ему известного человека. Кишкус решительно не понимал, что на сегодняшней Заграте надежность людей никак не связана с длительностью знакомства. Когда мир движется к хаосу, люди готовы на все, чтобы заработать. Но Кишкус настоял, Феликс поддался и теперь разгуливал по обочине рядом с ковыряющимся в за-

глохшем двигателе шофером.

– Скоро?

– Пытаюсь понять, – хмуро ответил водитель. Он оторвался от мотора, вытер со лба пот и огляделся: – А ты где?

– Ты меня слышишь, этого достаточно.

Под раскрытым капотом торчала слабая переносная лампа, а потому Феликс не стал выходить из тени, остался в густой тьме. И повторил вопрос:

– Скоро?

– Когда пойму, в чем дело, тогда и почию.

– Десять минут уже прошло.

– Это двигатель внутреннего сгорания, а не какой-нибудь кузель, – важно произнес шофер. – Это сложная современная техника.

– Кузели не ломаются.

– Будь у нас время, я бы рассказал, как не ломаются кузели. Я, между прочим, десять лет на паротяге отрубил. – Шофер помолчал, после чего просительно добавил: – Поможешь? Нужно, чтобы кто-нибудь подержал...

– Ты облажался, ты и работай.

– Без помощи ремонт затянется.

– Даю двадцать минут, – жестко произнес Вебер. – Не справишься – отрежу палец.

– Без пальца у меня ничего не получится, – попытался пошутить шофер, однако бамбальеро его не поддержал.

– А без машины ты нам вообще не нужен.

Водитель зло посмотрел в ту сторону, откуда прозвучала угроза, но опоздал: Феликс уже сменил позицию. Оказался с другой стороны фургона и вновь окунулся в заграбийские запахи.

Почему засевшие в лесу разбойники не открыли стрельбу сразу? Потому что считали себя умными. Или же понимали, что плохо вооружены – толстые стенки фургона обеспечивали надежную защиту от обычных пуль. Да и какой смысл стрелять сразу? Охрана начеку, а бамбальеро, даже бамбини, это вам не сезонные рабочие, подавшиеся в разбойники от безысходности, их выучке даже королевские гвардейцы позавидуют. Да и стволы у наемников отличные, таких на Заграте днем с огнем не сыщешь. Вот и получается, что первым залпом нужно снимать не меньше трех бамбальеро, а для этого бандитам пришлось подойти к нападению творчески. Атаковать сразу не стали, позволили добраться почти до самого Альбурга, и только тут, в двадцати лигах от столицы, автомобиль «неожиданно сломался». Место выбрано идеально: с одной стороны, до цели путешествия рукой подать, с другой – вокруг густой лес. Разбойники прекрасно понимали, что внезапная остановка насторожит любых наемников, тем более – бамбальеро, а потому и здесь решили не спешить. Пусть охранники оглядятся, пусть решат, что засады нет, а поломка действительно случайна, пусть потеряют бдительность, и тогда...

Что будет «тогда» – понятно, однако у Вебера было соб-

ственное видение дальнейших событий, которое шло вразрез с планами сидящих в засаде бандитов. И Вебер, и остальные бамбальеро прекрасно понимали, что нападение обязательно произойдет, и потратили время с пользой.

Едва фургон остановился, Длинный, Би и Феликс выскочили наружу. Одежду бамбальеро предпочитали черную, и непроглядная темень играла за них. Мгновение – и наемники рассыпались вокруг машины, перестав быть даже едва различимыми целями. На свет не выходили, двигались бесшумно – этому в Химмельсгартне учат в первую очередь, – а потому уже через несколько секунд бандиты потеряли бамбальеро из виду. А наемники, наоборот, начали подсчитывать противников и теперь точно знали, сколько человек засело вокруг.

«Семь», – беззвучно просигнализировал Би при следующей встрече.

Для бамбини совсем неплохо.

«Десять», – поправил помощника Вебер.

Би скорчил недовольную гримасу и вновь растворился в темноте, отправившись искать упущенных врагов.

Если бы Кишкусу каким-то чудом удалось нанять в телохранители бамбадао, разбойники прожили бы минут на десять меньше. Бамбадао открыл бы огонь сразу и перестрелял врагов вслепую, ориентируясь на запах и едва различимые звуки. Бамбадао в таких делах мастаки, однако Феликс пока был только бамбадиром, а потому выжидал, ибо хорошая

готовность к бою – половина победы.

– Перестань меня оскорблять!

– Если бы я знала, во что ты превратишься всего через двадцать лет...

– На себя посмотри!

Синьоры Кишкуссы перешли на крик, который наверняка слышали бандиты. А поскольку они умники, то скорее всего решили, что охрана увлечена скандалом и лучшего времени для атаки не придумать.

Феликс улыбнулся – почему не улыбнуться, раз все идет, как надо? – и по привычке провел большим пальцем по ложу бамбады.

Оружие у Вебера было замечательное – шестизарядный «Тумахорский вышибала», работы легендарного Бродяги из Листа. Как и любая бамбада, обладающая собственным именем, да еще и от такого великого мастера, «Вышибала» оценивался в запредельную сумму, и Феликсу пришлось влезть в долги, которые он отдавал долгих пять лет. Однако за все это время он ни разу не пожалел о сделке – высочайшее качество оружия не позволяло. В стрельбе на сто шагов и меньше «Вышибале» равных не было.

«Сейчас повоюем, – беззвучно пообещал бамбаде Вебер. – Будет весело».

«Пять секунд!» – показал Феликс, и тут же принялся считать, одновременно снимая с ремня бамбаду.

«Один, два...»

«...три, четыре...»

Пять секунд – десять очень быстрых шагов, позволивших им с Длинным оказаться по разные стороны фургона. Где в это время шлялся Би, Феликса не заботило: не маленький, сам разберется что к чему.

«...пять!»

И выстрел.

Разбойники двинулись вперед, к запаху добавилась едва различимый шум, который указал бамбадиру цель гораздо лучше прожектора.

Первая пуля досталась тому, кто стоял в десяти шагах от придорожной канавы. Первая пуля у Феликса всегда «тигриный коготь», а потому бандита не спасла даже надетая под одежду кираса. Второй выстрел Вебер сделал, перекатившись вперед – надо было уйти от беспорядочного огня разбойников. Перекатился, на мгновение замер в положении «сидя», мягко вскинул «Вышибалу», надавил на спусковой крючок, а следующим движением уже катился вправо. Феликс знал, что не промахнулся, он умел отличать хрип раненого от предсмертного крика.

Третий заряд в барабане «Вышибалы» назывался «шутихой-15», его Вебер послал в воздух, когда лежал на спине в придорожной канаве. Алхимическая пуля взорвалась примерно в пятнадцати метрах над землей, на несколько мгновений осветив поле боя и окончательно сбив разбойников с толку. Впрочем, к этому моменту в живых осталось не так

уж много бандитов.

ПЯТЬ СЕКУНА!

ОДИН, ДВА...

ПЯТЬ СЕКУНА - ДЕСЯТЬ ОЧЕНЬ БЫСТРЫХ ШАГОВ, ПОЗВОЛИВШИХ С ДЛИННЫМ ОКАЗАТЬСЯ ПО РАЗНЫЕ СТОРОНЫ ФУРГАНА. ГДЕ В ЭТО ВРЕМЯ ШАГЛАСЯ ЕЩЕ, ФЕЛИКСА НЕ ЗАБОТИЛО: НЕ МАЛЕНЬКИЙ, САМ РАЗБЕРЕТСЯ ЧТО К ЧЕМУ.

...ТРИ, ЧЕТЫРЕ...

РАЗБОЙНИКИ ДВИНУЛИСЬ ВПЕРЕД, К ЗАПАХУ ДОБЕЖАЛСЯ ЕЩЕ РА-ЗЫЧЬИЙ ШУМ, КОТОРЫЙ УКАЗАЛ ФЕЛИКСУ ЦЕЛЬ ЛУЧШЕ ПРОЖЕКТОРА.

ПЕРВАЯ ПУЛЯ ДОСТАЛАСЬ ТОМУ, КТО СТОЯЛ В ДЕСЯТИ ШАГАХ ОТ ПРЯМОРОЖНОЙ КАНАВЫ. ПЕРВАЯ ПУЛЯ У ФРЕДРИКСА ВСЕГДА "ТИГРИНЫЙ КОГОТЬ", А ПОТОМУ БАНАИТА НЕ СПАСЛА ДАЖЕ НАДЕТАЯ ПОД ОДЕЖДУ КИРАСА.

ТРЕТИЙ ЗАРЯД В БАРАБАНЕ "ВЫШЕБАЛЫ"
НАЗЫВАЛСЯ "ШУТИХОЙ - 15", ЕГО ВЕБЕР
ПОСЛАЛ В ВОЗДУХ.

ДЛХИМШЕСКАЯ ПУЛЯ ВЗОРВАЛАСЬ
ПРИМЕРНО В ПЯТНАДЦАТИ МЕТРАХ
НАД ЗЕМЛЕЙ НА НЕСКОЛЬКО МГНОВЕНИЙ

Би, как оказалось, давно вошел в лес, и его скорострельная бамбада прогрохотала положенные шесть раз. Феликс не сомневался, что минимум четверо бандитов получили свое. С другой стороны фургона отстрелялся Длинный, его прикрыл выскочивший Эдди. А довершил разгром оказавшийся на крыше автомобиля Хвастун. Его-то выстрел и стал последним.

– Двое! – подал голос Длинный. Он перезарядил бамбаду и был готов продолжать бой.

– Трое, – сообщил Би.

– Двое, – буркнул Эдди.

– Один, – вздохнул Хвастун.

– И у меня двое, – подытожил Вебер, выбираясь из канавы. – Кажется, все.

В фургоне рыдал перепуганный синьор Кишкус, синьора держалась. Бледный как полотно шофер осторожно выглядывал из-под грузовика, рядом с ним валялся фонарь, тускло освещавший переднее колесо машины.

«Потерь нет. Хорошо».

Вебер перезарядил «Вышибалу», закинул его за спину и хлопнул в ладоши:

– За дело, ребята! Через пять минут выезжаем!

Длинный, Эдди и Би двинулись прочесывать окрестности и, если потребуется, добить раненых бандитов. Говорливый Хвастун отправился успокаивать Кишкусов. Вебер про-

гулялся по опушке, отыскал труп одного из разбойников, забрал валявшийся рядом револьвер – «Бульдог», дерьмо штампованное, – после чего подошел к выбравшемуся из-под автомобиля шоферу.

– Ловко вы их... – Водитель елозил по карманам, пытаюсь нащупать, куда спрятал трубку. – Ловко...

– Кто это был? – равнодушно спросил Феликс.

– Бандиты.

– Имя, братишка, имя. – Вебер холодно посмотрел на шофера. – Как звали главаря?

– Откуда мне знать?

– Потому что ты на них работал.

– Я...

Но Феликс не позволил водителю продолжить. Толкнул в грудь, придавив к стенке фургона, приставил к голове револьвер и взвел курок.

– Они были здесь до того, как машина «поломалась». До, понимаешь? А поскольку в совпадения я не верю, у тебя, братишка, есть два пути. Первый: героическая гибель при отражении бандитского налета. Если ты заметил, я взял чужое оружие, так что к честному телохранителю претензий у полиции не будет.

Глаза шофера расширились от ужаса.

– Второй путь: я обо всем забываю.

– Забываешь? – недоверчиво прохрипел водитель.

– Мы победили, – объяснил Вебер. – Убитых у нас, на твое

счастье, нет, раненых тоже, поэтому я задам тебе несколько вопросов, и мы поедem дальше. – Пауза. – Кто это был?

Давящая на грудь рука, пистолет у головы, а главное – колоссальная, железная уверенность бамбальеро сделали свое дело: шофер сдался.

– Боров Сун. Самый известный бандит...

– Да плевать мне на известность мертвеца. Что дальше?

– Что дальше? – не понял водитель.

– Дальше по дороге, – уточнил Феликс. – Другие сюрпризы будут?

– Скольких вы убили?

– Десятерых.

– Других сюрпризов не будет.

Кажется, он говорил правду.

– Что с двигателем? – продолжил Вебер, не отнимая револьвер от головы шофера.

– С ним всё в порядке, – заверил водитель. – Я вас обманул.

– Очень хорошо. – Вебер отпустил предателя и демонстративно сунул «Бульдог» за пояс. – Заводи машину.

Шофер вытер со лба пот, на этот раз его было значительно больше, чем во время «ремонта», забрался на свое место и повернул ключ. Двигатель послушно затарахтел.

– Я вас не обманул.

– Я вижу.

В тех кабаках Герметикона, где собираются наемники и

военные, вы обязательно услышите хвастливые рассказы о столкновениях с бамбальеро. О том, как «Я сразу понял, что он задумал, и опередил его на мгновение. Шрам видишь? Его пуля. А моя влетела этому растяпе прямо в лоб...» Верят подобным рассказам лишь самые наивные и самые пьяные слушатели, потому что люди здравомыслящие, хотя бы в общих чертах представляющие, как тренируют в Химмельсгартне, прекрасно понимают, что обычному вояке опередить бамбальеро не дано. Феликс не хотел, чтобы шофер видел, как он выхватывает оружие, и шофер не увидел. Просто «Бульдог» неожиданно оказался у виска предателя, и тут же громохнул выстрел. Обмякшее тело завалилось на пассажирское сиденье.

– Всё из-за него? – уточнил вездесущий Би.

– Ага, – равнодушно подтвердил Вебер. – Из-за него.

Зашвырнул револьвер в канаву, вытащил труп и отнес его в фургон. Кишкучи при появлении «подарочка» завизжали.

– Бедолаге не повезло, – объяснил Вебер. – Мы должны доставить тело в город.

– На это есть полиция! – Синьоре очень не хотелось продолжить путешествие в компании мертвеца.

– Да! – согласился с супругой синьор.

Феликс укоризненно покачал головой.

– Мы ведь люди и должны проявить уважение к павшему товарищу.

После чего захлопнул дверцу фургона и подзвал Эдди:

- Если не ошибаюсь, ты учился управлять автомобилями?
- Бамбини ухмыльнулся и кивнул:
- Так и знал, что пригодится.

Глава 2, ***в которой Помпилио прибывает в Альбург, Нестор проявляет настойчивость, а Генриху II приходится делать трудный выбор***

Выход из Пустоты всегда является продолжением входа. Если на старте «окно» открылось над цеппелем и его втянуло вверх, то и на финише, в мире, куда целил астролог, огромная машина сначала пойдет в том же направлении – вверх. Или вниз, если стартовое «окно» оказалось под гондолой. Или в какую-нибудь сторону, хоть по ветру, хоть против него. В любом случае – потрянет. Заскрипят шпангоуты, вздрогнет гондола, полетит на пол незакрепленное барахло, да и на ногах, говоря откровенно, даже опытному цепарю устоять непросто. И тут уже неважно, ямауда ты или нет, тут простая физика. Но любой цепарь скажет, что лучше шлепнуться на задницу, чем захлебнуться Знаками. Над упавшим цепарем не смеются, а вот по тем, кто остался в Пустоте, – плачут.

Пинок Пустоты – последний ее привет. Дальше всё хорошо.

Цеппель вываливается в атмосферу рядом со Сферой

Шкуровича, на которую астрологи наводят переходы, и первое, что видят цепари – висящий неподалеку сторожевик. В наши беспокойные времена приличные миры стараются обезопасить себя от незваных гостей и поднимают над сферопортом хотя бы один боевой дирижабль, набитый дальнобойными пушками, как подушечка для иголок у толковой домохозяйки. Скорость вижилану без надобности, запас хода – тоже, поскольку вся его задача заключается в том, чтобы задать пришедшему цеппелю вежливый вопрос и расстрелять его, если ответ не понравится. На сторожевиках, как правило, сидят ребята опытные, ветераны многочисленных кампаний, способные с одного взгляда оценить, что за цеппель свалился на планету и какое у него вооружение. Стреляют они без предупреждения, поэтому радиста во время перехода берегут пуще других – чтобы связь установил как можно быстрее.

– Назовитесь!

– «Пытливый амуш» под флагом Герметикона. Класс ИР. Идентификационный номер...

На самом деле вопросы гостям задают не с вижилана, а из диспетчерской порта, в архиве которой лежат данные на все законопослушные цеппели. На сторожевике просто слушают ответ, держа пушки наготове, и если слышат: «Всё в порядке, «Амуш», добро пожаловать!» – расслабляются и отворачиваются.

Цепари, в свою очередь, тоже расслабляются и начинают

снижение к сферопорту, к пуповине, что связывает мир с остальным Герметиконом. Проходят через облака, если они есть, конечно, и машинально ищут взглядом Сферу Шкуровича, неугасимый маяк, лучи которого пробиваются даже через то, чего нет, – через Пустоту. Ищут, потому что именно к ней они шли, потому что, не будь Сфер, переходы между мирами стали бы почти невозможны, потому что Сфера для цепаря то же, что и сам мир.

А увидеть маяк легко, и ошибиться невозможно – тридцатиметровый шар из блестящего астрелия, окруженный тремя кольцами спирали, трудно с чем-либо спутать. К тому же Сферу всегда ставят не ниже чем в двадцати метрах от земли, на мощном каменном основании, и она прекрасно видна из каждого уголка порта, тем более – сверху.

«Привет», – говорят те цепари, что склонны к сентиментальности.

А остальные просто смотрят и думают о том, что на этот раз им повезло.

Но если Сферы ничем не отличаются одна от другой, то внешний вид самих портов напрямую зависит от толщины кошелька местных обитателей. В больших и богатых мирах в качестве причалов используют толстые железобетонные мачты, удобные и надежные. С одной стороны от мачт, ближе к портовым пакгаузам, располагают грузовые платформы с мощными лебедками для притягивания цеппелей к земле, а с другой строят ремонтные эллинги. В больших и богатых

мирах жизнь в порту бьет ключом круглосуточно. Здоровенные паротяги деловито тащат на погрузку тяжеленные контейнеры, пассажиры, опасаясь огромных штрафов, не сходят с подметенных дорожек, а заправка цеппелей водой идет по трубам, проложенным в мачтах. Все культурно и современно.

Увы, но Заграта пока не была ни большой, ни богатой, а потому власти ограничились установкой металлических мачт да одним-единственным эллингом. Грузовые площадки были отмечены веревочными ограждениями, а опускали цеппели с помощью двух паротягов. Всё скромно и прагматично. На запад и юг уходят ряды пакгаузов, чуть дальше пыхтят черным дымом промышленные пригороды, а на востоке, лигах в четырех от порта, виднеются черепичные крыши старинного Альбурга. Милый провинциальный пейзаж милой провинциальной планеты.

– И снова Добрый Маркус нас не оставил. Мы на Заграте... – Сидящий в кресле Помпилио поцеловал медальон с изображением лингийского Праведника и вернул цепочку на шею.

Алхимики и астрологи уверяют, что покровителем путешественников между мирами является сам Гермес Трисмегист, мудрость которого открыла людям Вселенную. Цепари почитают заступником святого Хеша, но Помпилио, как истинный лингиец, возносил благодарности исключительно Доброму Маркусу.

Вернув медальон на место, он перевел взгляд на капитана:

– Хороший переход, Базза, благодарю вас.

Однако застывшее на лице Помпилио выражение высокомерного равнодушия никак не соответствовало вежливым фразам. Казалось, что владельцу «Пытливового амуша» глубоко безразличны и мир, в который вывалился его цеппель, и слаженные действия команды.

– К вашим услугам, мессер, – небрежно козырнул Дорофеев.

– К моим услугам необходим Теодор с кружкой кофе, но он где-то шляется, бездельник, – капризно отозвался Помпилио. – Как будто не знает, как я страдаю после Пустоты.

– Сожалею, мессер.

– Оставьте, Базза, вы не в силах ничего изменить, – махнул рукой Помпилио. – Хотя эта неожиданная попытка способна убить меня на месте.

Чуть выше среднего роста, плотный, а главное – абсолютно лысый Помпилио издали напоминал крестьянина или, в лучшем случае, ремесленника, непонятно зачем нарядившегося в роскошный, расшитый золотом красный месвар. Впечатление усиливали короткие толстые ноги и короткие толстые руки, с короткими и, как легко можно догадаться – толстыми – пальцами. Телосложение Помпилио было заурядным, знатному человеку неподходящим, но что делать, если мужчины другого склада в роду Кахлес на свет не появлялись? Помпилио Чезаре Фаха дер Даген Тур был адигеном. И не просто адигеном, а из рода наследных даров Линги, у корней семейного дерева которых стояли Первые Цари Ожерелья. Телосложением Помпилио не удался, зато при первом же взгляде на его лицо даже самые наивные люди легко читали всю его длинную родословную, потому что в голову им приходили только два слова: высокомерие и власть. Выпуклый лоб, казавшийся еще большим из-за отсутствия волос, запавшие серо-стальные глаза, нос с горбинкой и довольно широкими крыльями, острый, чуть выступающий вперед подбородок – сочетание черт было некрасивым, но притягивающим. Это было лицо прирожденного лидера, не желающего и не умеющего подчиняться.

– Теодор! – Ладонь Помпилио ударила в подлокотник. – Теодор!

– Должно быть, что-то случилось, мессер, – заметил Дорфеев, подходя к бортовому хронометру.

– У нас кончился кофе?

– Гм... возможно.

– Значит, придется выпороть Бабарского. – Помпилио повернулся вправо, так ему было удобнее наблюдать за действиями капитана, и продолжил: – На борту есть плетка?

– Возможно.

– Надо проверить. Теодор! – Пауза. – Как это пошло: рассуждать о телесных наказаниях вместо того, чтобы пить кофе. Вы не находите?

– Полностью с вами согласен, мессер.

– На вас можно положиться, Базза.

– Благодарю, мессер.

– Не за что.

Левый циферблат хронометра был постоянным и показывал принятое на борту время Герметикона. А правый на цепелях делали сменным, потому что далеко не в каждом мире сутки длились двадцать четыре часа. Дорофеев аккуратно вынул механизм, положил его в выдвижной ящик, отыскал нужный, на циферблате которого было отмечено двадцать шесть делений, и вставил в хронометр.

– Местное время шесть тридцать утра, – доложил поднявшийся на мостик радист.

– Благодарю. – Капитан подкрутил стрелки. – Что еще?

– Нам выделена пятнадцатая мачта. Зеленый флаг.

– Рулевой?

– Я вижу, синьор капитан.

Дорофеев вернулся к своему креслу и взялся за переговорную трубу:

– Машинное отделение! Малый вперед! Палубной команде обеспечить швартовку!

– И велите кому-нибудь отыскать Теодора, – проворчал Помпилио. – Мне нужен кофе.

Капитан переключился на офицерскую палубу:

– Валентин, немедленно поднимитесь на мостик.

После чего, воспользовавшись тем, что стоял спиной к владельцу «Амуша», улыбнулся.

Пусть Заграта и считалась провинциальной, но сферопорт на двадцать мачт, пять из которых построены за прошлый год, – это серьезно. К тому же заложены еще пять мачт, а значит, мир уверенно развивается, собираясь стать большим и богатым. Мир идет вперед.

Или шел вперед, потому что одиннадцать из восемнадцати стоящих на приколе цеппелей были пассерами, и к некоторым из них тянулись цепочки нагруженных багажом людей.

– Беженцы, – произнес Дорофеев, поднеся к глазам бинокль.

– В этом театре только что был голод, а теперь намечается гражданская война, – неожиданно серьезно отозвался Помпилио. – Ничего удивительного, что зрители торопятся покинуть партер.

Похоже, что достраивать заложенные причалы будут не скоро.

Тем временем рулевой аккуратно подвел «Амуш» к мачте, опустив цеппель на минимально возможную высоту. Палубные сбросили тросы, которые подхватила наземная команда, и Дорофеев приказал:

– Стоп машина!

Громкий лязг, с которым сработали носовые захваты, на капитанском мостике не услышали, а сам процесс не увидели, поскольку верхушка мачты располагалась выше гондолы.

– Швартовка завершена, – доложили палубные.

Двухсотметровая сигара «Амуша» величественно покачивалась у металлической конструкции, флаг на которой местные сменили на синий.

– Вот теперь мы точно на Заграте, мессер, – доложил Базза. – Рейс окончен.

– Благодарю, Базза... – Дверь на мостик распахнулась, и Помпилио мгновенно переключился на появившегося слугу: – Теодор! Надеюсь, ты понимаешь, как трудно мне дались последние десять минут?

– Сожалею, мессер. – Валентин подошел к хозяину и опустил перед ним поднос, на котором стояла кружка и лежали золотые карманные часы. – Кофе и загратийское время, мессер.

– Почему так долго? – Помпилио сменил часы и взялся за кружку.

– Плохие новости, мессер: мы потеряли Форцу. – Валентин потупился. – Мне очень жаль.

– Ядреная пришпа! – Помпилио с шумом втянул в себя обжигающий кофе. – Не уследили?

– Именно так, мессер, – подтвердил Валентин. – Форца поймал «старого друга» и шагнул за борт. Хасина пытался его остановить, но едва не погиб, его спас Бабарский.

– А переход показался простым, – хмуро протянул Дорофеев.

Капитан был ямаудой, ему все переходы казались простыми, и он ориентировался по тем, кого видел на мостике. И Помпилио, и рулевой перенесли путь на Заграту легко, Базза решил, что остальные тоже справились, и тут...

– Форцу жаль. – Помпилио сделал еще один глоток кофе. – Теодор, нам нужен новый алхимик.

– Да, мессер.

– Точнее – новый член экипажа, – уточнил Помпилио. – С этой задачей справиться труднее.

– Я постараюсь, мессер.

– Не сомневаюсь. – Помпилио вернул кружку на поднос и поднялся на ноги. – Теодор, мы отправляемся в Альбург.

И потопал к выходу.

Шестьсот лет минуло с короткой, но страшной Эпохи Белого Мора, которая едва не положила конец человечеству. Шесть веков, вместившие в себя два периода распада, создание и гибель великой империи и триста лет Этой Эпохи. Шестьсот лет. Но, несмотря на все катаклизмы, вытравить память о беспощадной болезни эти шесть веков не смогли. А потому с тех самых пор, как люди вновь научились путешествовать между мирами, созданное для борьбы с Белым Мором Благочестивое Братство Дочери обрело вторую жизнь. Не просто возродилось, а стало главной стеной, которой защищало себя человечество. И кордон братьев це-

пари преодолевали до того, как встречались с пограничной стражей.

– Откуда идете?

– С Анданы, – вежливо ответил Базза, протягивая пачку бумаг. – Здесь подтверждающие документы.

Принимающего медикуса Дорофеев знал – познакомились во время прошлого визита «Амуша» на Заграту, когда случайно оказались в одной компании и весело провели время в лучшем ресторане Альбурга. Однако сейчас брат находился при исполнении обязанностей и вольностей не позволял.

– Сколько человек на борту?

– Двадцать.

– Здесь сказано двадцать один.

– Мы потеряли алхимика.

– Сожалею.

Медикус сделал пометку, вежливо поклонился подошедшему Помпилио и медленно прошелся вдоль выстроившихся в коридоре «Амуша» цепарей. Братьев Доброй Дочери готовили в лучших университетах Герметикона и готовили на совесть, большинство опасных болезней они распознавали по внешним признакам: по глазам, запаху, дыханию, цвету кожи и ногтей, едва заметной дрожи или выступившему поту. Симптомы, даже самые ранние, братья не пропускали, и от их слова зависело, позволят ли гостям посетить мир.

– Карантин не требуется.

Медикус отвесил поклон капитану, чуть более глубокий – Помпилио, после чего развернулся и вышел на верхнюю площадку мачты. Цепари дружно выдохнули. Даже зная, что чист, осмотра ждешь с опаской – медикусы внимательны и прозорливы, легко увидят то, чего ты сам о себе еще не знаешь. К тому же братья могли не только отправить цеппель в карантин или объявить зачумленным, но и требовать у местных властей уничтожения любого, показавшегося им подозрительным корабля. И ни один правитель не имел права им отказать.

– Вахтенным занять свои места! – громко объявил капитан. – Остальные свободны.

Получившие увольнение цепари дружно загалдели, но к вожденной мачте не рванули – первыми пойдут старшие офицеры.

– Ненавижу бюрократию, – проворчал Помпилио, начиная спускаться по лестнице.

– Я тоже, мессер, – поддакнул Базза. – Поэтому мне так нравится путешествовать по неосвоенным мирам.

– А в них я ненавижу неосвоенность.

– В жизни нет совершенства, мессер.

– Есть, когда все делаешь так, как хочется.

– Постараюсь запомнить.

– Не забивайте себе голову, Базза. – Помпилио посмотрел вниз, меж лестничных пролетов, оценил расстояние до земли, недовольно фыркнул и продолжил путь. К столь нелюби-

мым им бюрократам из пограничной стражи, внешний вид и манера поведения которых не зависели ни от богатства мира, ни от его размеров.

Во всех сферопортах Герметикона гостей почему-то встречали почти одинаковые внешне клерки в почти одинаковых серых мундирах. Все они отличались маленьким ростом, гипертрофированной вьедливостью и нелюбовью к профессиональным цепарям.

– Откуда идете?

– С Анданы, – буркнул Дорофеев, который не считал нужным скрывать от пограничных чиновников свою неприязнь.

– С Анданы... – повторил клерк, издевательски медленно выводя в журнале короткое предложение. – С Анданы...

Затем он почти две минуты изучал судовые документы, после чего вновь взялся за перо.

– Какой груз?

– Никакого.

Чиновник удивленно посмотрел на Дорофеева.

– Никакого?

– В документах, которые вы разглядывали, сказано, что «Пытливый амуш» – ИР, а не торговое судно. На борту нет коммерческого груза.

– Нет коммерческого груза...

Перо неспешно поскрипывало, на лице Дорофеева ходили желваки, но он сдерживался. Помпилио сохранял бесстрастность, а выстроившиеся за его спиной цепари с трудом пря-

тали ухмылки: они знали, чем всё закончится.

– Цель прибытия на Заграту?

– Я сопровождаю в путешествии мессера Помпилио Чезаре Фаху Марию Кристиана дер Даген Тур дер Малино и Куэно дер Салоно, – отчеканил Базза максимально полное имя владельца «Амуша». – И не забудьте добавить: с Линги.

– Так и записать? – растерялся чиновник.

Этот вопрос неизменно звучал во всех мирах, куда заносило «Амуш». И выражение чиновничьего лица при этом было стандартно обалдевшим.

– И не советую ошибиться хоть в букве, – холодно предупредил Дорофеев. – Вы ведь знаете адигенов: они ошибок не прощают, могут счесть личным оскорблением.

Пограничник заскрипел пером, проклиная про себя заковыристые дворянские имена, нахмурившись, поставил в паспорте капитана отметку и процедил:

– Добро пожаловать на Заграту.

– Благодарю.

Вынырнувший из-за спины Помпилио Валентин аккуратно положил перед чиновником два паспорта и сообщил:

– Мессер Помпилио Чезаре Фаха Мария Кристиан дер Даген Тур дер Малино и Куэно дер Салоно.

– Это вы? – осведомился клерк, подозрительно разглядывая Теодора.

– Это мой хозяин, – ответил тот, почтительно указав на Помпилио.

– Он может представиться сам?

– Нет.

– Он немой?

– Он не хочет.

Помпилио проявил первые признаки нетерпения – поджал губы. Высокомерно равнодушное выражение на его лице стало медленно превращаться в высокомерно раздраженное.

– Скажите своему адиру...

– Мессеру, – перебил пограничника Валентин. – Мессер Помпилио Чезаре Фаха Мария Кристиан дер Даген Тур дер Малино и Куэно дер Салоно из рода лингийских даров. Если, конечно, вы понимаете, что я имею в виду.

Речь Теодора окончательно добила пограничника. Он передохнул, с опаской глядя на адигена, после чего промямлил:

– Скажите мессеру, что я должен знать цель его визита на Заграту.

– Мессер изволит путешествовать.

– Без цели?

– Мессер изволит познавать Герметикон.

– А вы?

– Меня зовут Теодор Валентин. Я сопровождаю мессера Помпилио Чезаре Фаху Марию Кристиана дер Даген Тур дер Малино и Куэно дер Салоно в его путешествии.

– Это цель вашего визита?

– Других у меня нет, – заверил пограничника Валентин. –

Как и у всей команды. Единственная наша обязанность – сопровождать в путешествии мессера Помпилио Чезаре...

– Да, да, я помню!

Довольные цепари захохотали, а несчастный клерк сморщился так, словно проглотил лимон, тоскливо посмотрел на журнал, в который ему предстояло вписать пятнадцать длинных фраз, и потер правую руку.

Еще два месяца назад старый Бен отказал бы этому пассажиру. Отвернулся бы, хмуро посасывая холодную трубку, которую почти не вынимал изо рта с тех пор, как бросил курить, да буркнул: «Другого ищите, синьор». Отказал бы, потому что не понравился ему клиент, вот не понравился, и всё! А почему не понравился? Высокий, худощавый, в элегантном костюме-тройке, белоснежной сорочке, галстук и начищенных до блеска туфлях – по всему виду, деньжонки у мужика водятся, и деньжонки неплохие. На голове шляпа с короткими полями, бакенбарды и тоненькие усики аккуратно подстрижены, не щегольски, а именно аккуратно. Всё хорошо! Но... Но слишком уж холодным было лицо мужчины, слишком презрительно смотрели скрытые за пенсне черные глаза. Отказал бы ему старый Бен. Взял бы, да отказал! Два месяца назад.

Но теперь времена изменились, денежных клиентов было куда меньше, чем возниц, и выбирать не приходилось.

– К вашим услугам, синьор, – пробормотал старый Бен, снимая кепку и опуская взгляд в землю.

Не мог он видеть презрительную гримасу, с которой худощавый изучал коляску, впряженную в нее Матильду и самого Бена. Возница чувствовал себя товаром на витрине, но... Но что делать-то? Деньги-то нужны. Семью кормить, Матильде новые подковы sprавить, доктору, что сына лечил, заплатить... Деньги нужны, а клиентов всё меньше и меньше. Да и конкуренты, учуяв завидную добычу, поспешили с предложениями. Им не понравилось, что худощавый сразу выбрал Бена.

– В моей коляске рессоры новые. Ход мягонький...

– Нужно ехать, добрый синьор? У меня не кони – звери!

– А я домчу до Альбурга за десять минут! У меня два рысака в упряжке!

– Мессер не любит быстрой езды, – процедил худощавый.

«Это он о себе? Вот странно...»

– А у меня автомобиль, добрый синьор! Лучший во всем Альбурге!

– У меня автомобиль больше! Весь багаж поместится!

– Мессер не любит автомобили.

– Вас так зовут, добрый синьор? Мессер, да?

Бену казалось, что гримасу более презрительную, чем та, что уже была на лице худощавого, соорудить невозможно. Но старый возница ошибался. Ледяная смесь высокомерия, отвращения и презрения, которая появилась на лице худощавого после того, как он услышал последний вопрос, заставила конкурентов отхлынуть – даже слов не потребовалось.

Клиент же еще раз окинул взглядом старика, кашлянул и поинтересовался:

– Лошадка смиренная?

– Выученная, – тихо ответил Бен.

– Трубку изо рта вынь, – распорядился чернявый. – Мессеру не понравится твой вид.

Возница послушно исполнил приказ.

– Лошадка смиренная?

– Выученная, – повторил Бен, тиская в руке кепку и трубку. – Может смиренно идти, а может и припустить.

– Я так и подумал, – кивнул худощавый. – Как тебя зовут?

– Бен.

– Меня будешь называть Валентином, это понятно?

– Да.

– Сколько ты берешь, Бен?

– Смотря куда ехать, синьор. Ежели до центра, то одну марку серебром или две марки ассигнациями. Ежели, положим, вам в поместье какое надобно, то...

– В целом понятно, – перебил старика Валентин, и в его руке сверкнул золотой кругляш. – Видел когда-нибудь такой?

– Герметиконский цехин! – Возница с трудом сдержал возглас.

Конкуренты завистливо зароптали.

– Мессеру нужна твоя коляска на весь день.

Хоть и неприятный, но щедрый. Бен согласился бы и за

десять марок серебром, не то что за целый цехин!

– А завтра?

На губах Валентина заиграла усмешка.

– Хороший вопрос, Бен. Завтра мессеру тоже понадобится твоя коляска, и ты получишь еще один цехин. Доволен?

– Очень, – не стал скрывать возница.

– Вот и славно.

Кто такой «мессер» или Мессер, Бен не знал, однако в ходе разговора догадался, что Валентин – слуга и так называет своего хозяина. Человека, судя по поведению худощавого, богатого и знатного. То есть самолюбивого и капризного. И появившийся адиген полностью оправдал ожидания старого возницы. Среднего роста, лысый, как колено, он, казалось, не видел, а точнее – не хотел видеть никого вокруг. Забрался в коляску, опершись на руку Валентина, развалился на диванчике и принялся изучать перстни, украшающие короткие толстые пальцы. Такое отношение было куда обиднее, чем откровенное презрение слуги.

– Куда поедем, добрый синьор? – осмелился спросить Бен, попутно размышляя, стоит ли надевать кепку.

– Обращайся только ко мне, Бен, – жестко велел Валентин. – Мессер не станет с тобой разговаривать. – Он уселся на козлы рядом с возницей. – Вперед.

– Куда поедем, синьор Валентин? – повторил Бен и совсем не удивился ответу:

– В собор Святого Альстера, Бен. Особенно не торопись,

но мы должны успеть до окончания утренней мессы.

Все настоящие адигены – олгемены, а где еще быть честному олгемену в воскресное утро, если не на мессе?

* * *

На фоне массивного и несколько мрачноватого Альбурга, старинные районы которого создавались по крепостным планам из коричневого и серого камня, нежный и легкий Зюйдбург казался даже не городом – поселением. И это при том, что по числу жителей столица южной Заграты лишь на треть уступала Альбургу. Выстроенный из белого камня, необычайно светлый и воздушный, Зюйдбург раскинулся на берегах тихой Мериссы и казался ожившей фантазией талантливого, но слишком уж сентиментального художника. Ненастоящим казался Зюйдбург, слишком совершенным для творения рук человеческих.

Зюйдбург строился адигенами, призванными на Заграту Адольфом I в начале Этой Эпохи. Строился, вопреки адигенским традициям, не как город-замок – король не желал давать самолюбивым, хоть и давшим клятву верности дворянам серьезную опору, – а как город-поместье, но оттого только выиграл. На левом, обрывистом берегу Мериссы стояли самые высокие здания: собор Доброго Лукаса – большинство загратийских адигенов были выходцами с Кааты и считали этого Праведника своим покровителем, дворец королевско-

го наместника, муниципалитет и театр, а вокруг них утопали в зелени белоснежные виллы землевладельцев. Правый же, низкий берег был отдан простолюдинам и купцам. Здесь адигены выстроили вокзал и огромную ярмарочную площадь, и здесь же, после того как Густав III расширил права заграбийских дворян, появились заводы, фабрики, эллинг и пять причальных мачт для цеппелей.

Именно на правом берегу Мериссы, в промышленных районах Зюйдбурга, проводил все последние дни Нестор дер Фунье, вдохновитель и лидер заграбийского мятежа.

– Десять миллиметров? Анри, это курам на смех! Мне нужно не меньше двадцати!

– Для этого понадобится другой завод, адир, – жалобно ответил инженер. – На нашем оборудовании невозможно сделать двадцатимиллиметровую броню.

Нестор на мгновение задумался, после чего пожал могучими плечами:

– Попробуйте крепить два десятимиллиметровых листа, один поверх другого.

На фоне худого, можно даже сказать – тощего, инженера Нестор дер Фунье выглядел настоящим гигантом. Причем гигантом породистым, так сказать, с родословной.

Высокий, выше двух метров ростом, Нестор обладал необычайно широкими плечами, из-за чего казался великаном из детских сказок. Длинные черные волосы он зачесывал назад, совершенно не стесняясь больших, рано появив-

шихся залысин. Мужественное, словно вырубленное из гранита, лицо изредка оживляла необычайно обаятельная улыбка, а маленькие черные глаза всегда горели: яростные, веселые, злые... – огоньки не пропадали никогда. И никогда, ну, или почти никогда, Нестор не изменял классическому адигенскому месвару, отдавая предпочтение черному, весьма неброскому одеянию.

– Давайте экспериментировать, Анри, это же интересно!

Однако инженер энтузиазма дер Фунье не разделял:

– Ваша идея интересна, адир, я обязательно попробую, но...

– Что вас смущает, Анри?

– Десятимиллиметровая броня надежно защитит экипаж от пуль, но от королевских пушек не спасут и двадцать миллиметров и даже двадцать пять. – Инженер вздохнул и рискнул посмотреть в черные глаза Нестора. – Вы ведь это понимаете, адир.

Инженер ждал взрыва, но дер Фунье лишь усмехнулся.

– Ничего не добивается тот, кто ничего не делает, Анри. Я знаю, как нужно, а теперь это знаете вы. Экспериментируйте!

– Да, адир, – покорно кивнул инженер.

– И больше уверенности в себе, Анри! Если с поставленной задачей кто-то и может справиться, то только вы.

– Да, адир.

Не заразиться уверенностью несгибаемого Нестора было невозможно, даже слов не требовалось, достаточно бы-

ло просто взглянуть на его решительное лицо, в черные, пылающие неугасимым огнем глаза и услышать густой, роко-чущий голос. И люди заражались. Блестящее и почти бес-кровное начало мятежа объяснялось скорее харизмой дер Фунье, нежели военной силой. Он просто приходил и заби-рал власть из ослабевших рук королевских наместников. Он говорил, что не допустит хаоса, он опубликовал «для все-народного обсуждения» свод первоочередных законов, ко-торые примет став королем, – снижение налогов и прогрес-сивная земельная реформа очень понравились простолюди-нам, – и тем окончательно очаровал и без того любящих его южан. Весь Зюйдбург... да что Зюйдбург – все семь провин-ций южной Заграты украсились красно-белыми штандарта-ми дер Фунье, но сейчас, когда горячка первых дней мятежа немного спала, у людей появились сомнения. Нестор, конеч-но, блестящий офицер с огромным боевым опытом, но у ко-роля есть бронепоезд и бригада бронетягов, импакто, артил-лерия и множество солдат, жаждущих доказать свою предан-ность короне. А еще у короля есть жгучее желание покарать наглеца и всех, кто ему помогал...

Сомнения медленно, но неуклонно охватывали южан и вынуждали Нестора делать всё, чтобы продемонстрировать силу и способность победить Генриха. В том числе – зани-маться глупой переделкой паротягов в уродливое подобие бронетягов. Потому что боевая техника, пусть даже по всем статьям уступающая противнику, во все времена производи-

ла на толпу благоприятное впечатление.

– Ребята из Инкийского механического наладили выпуск крупнокалиберных пулеметов, – громко заявил Нестор. – К завтрашнему вечеру они пришлют два первых образца, и я хочу, чтобы нам было куда их поставить. Я верю в вас, Анри.

– Будет, – пообещал инженер. – Я гарантирую, что к завтрашнему вечеру мы переоснастим одну машину...

И тоскливо посмотрел на заставленную паротягами заводскую площадку.

Огромные, оснащенные мощными кузельными двигателями тягачи на гусеничном и колесном ходу были машинами сугубо мирными, к ведению боя не приспособленными в принципе. Подавляющее их большинство до недавнего времени верой и правдой служило крупным землевладельцам, у которых они обрабатывали обширные поля и доставляли в Зюйдбург богатый урожай. Остальные были взяты у строителей и до сих пор щеголяли бульдозерными ножами, подъемными кранами да экскаваторными ковшами. Четырнадцать машин, половина парка семи провинций. На самом юге континента, в Инкийских горах, паротягов было больше, на них возили руду из отдаленных шахт, однако останавливать горную добычу Нестор не рискнул – с землевладельцами-адигенами договориться было проще, поскольку первый в этом году урожай уже собрали, а до следующей посевной еще две недели. Вот и получалось, что двенадцати настоящим бронетягам Генриха, вооруженным не только пулеметами, но и

пушками, дер Фунье мог противопоставить лишь четырнадцать машин, которые только предстояло превратить в подобие боевой техники.

Однако присутствия духа мятежник не терял.

– Одна машина в день – это замечательно! – Нестор потрепал инженера по плечу. – Отличная новость, Анри!

– Благодарю, адир.

– И не волнуйтесь насчет оплаты: завтра утром на завод доставят оговоренную сумму. Золотом, Анри, золотом! Герметиконскими цехинами.

– Благодарю, адир...

На одной харизме далеко не уедешь, поэтому Нестор щедро дополнял ее полновесными монетами. Он мог бы реквизировать паротяги, но вместо этого взял их в аренду. Добровольцы и перешедшие на сторону мятежника солдаты немедленно получали внушительный аванс, и так же аккуратно оплачивалась работа всех остальных: инженеров, рабочих и землекопов, которые возводили на правом берегу Мериссы защитные сооружения. Золото не позволяло сомнениям окончательно овладеть умами южан и давало Нестору необходимое время. При этом никто и понятия не имел, где дер Фунье раздобыл столь огромные средства.

– Как видите, я держу слово.

– Я знаю... я...

– Я знаю, как нужно, Анри, запомните это: только я знаю, как нужно. – Нестор наклонился к невысокому инженеру и

чуть понизил голос: – А нужно мне, чтобы вы старательно готовили паротяги к бою. Одна машина в день меня устраивает, все понятно?

– Да, адир.

– Вот и хорошо.

Дер Фунье выпрямился, оглядел ряды миролюбивых паротягов, и по его губам скользнула едва заметная презрительная усмешка.

С завода Нестор отправился на так называемый Восточный рубеж, линию обороны, которую старательно возводила тысяча землекопов. Поговорил с инженерами, выступил с краткой, но пламенной речью, насладился овацией и поехал в расположенный неподалеку лагерь добровольцев. Там посетил вечернюю тренировку и похвалил офицеров за службу. Другими словами, дер Фунье проделал свой обычный маршрут, который заканчивался в штабе, размещенном во дворце наместника. И именно в одном из тайных кабинетов этого белоснежного, украшенного великолепной колоннадой здания у Нестора произошла самая важная за день встреча. Встреча с человеком, о присутствии которого в Зюйдбурге не знали даже ближайшие помощники дер Фунье.

– Почему ты взялся за паротяги? – резко спросил Нучик.

При появлении дер Фунье он захлопнул папку с бумагами, но с кресла не поднялся, буравя адигена взглядом холодных глаз. – Это бессмысленно.

– Я тоже рад вас видеть, барон, – вежливо отозвался

Нестор. – Как продвигаются работы в пустыне?

– Хорошо продвигаются, – отрезал Нучик и повторил: – Почему ты взялся за паротяги? На эту дурацкую затею уйдет слишком много золота.

Нестор прошел в комнату, молча налил себе вина из хрустального графина – только себе, развалился на диване, что стоял напротив кресла Нучика, сделал глоток и улыбнулся.

– Мятеж – дорогое удовольствие, барон. Он по определению требует много золота.

Нестор умел считать деньги, но сейчас, получив доступ к огромным ресурсам Компании, он об этой привычке на время забыл. Сейчас дер Фунье деньгами распоряжался, не задумываясь о последствиях. А вот Нучик вел учет каждому цехину, и его раздражали бесконечные траты мятежника.

– Король движется к Зюйдбургу на бронепоезде...

– По-вашему, я должен бронировать какой-нибудь эшелон?

– Почему нет?

– А потом разогнать и столкнуть их лбами?

Нучик поджал губы, помолчал, а через несколько мгновений, чуть сбавив тон, продолжил:

– Зато у тебя была бы крепость на колесах.

Он искренне считал бронепоезда одним из величайших военных изобретений человечества. Вид оцетинившейся стволами гусеницы заворачивал барона, и он не понимал, почему дер Фунье даже думать отказался о создании могу-

чей крепости на колесах.

– На железнодорожных колесах, – уточнил Нестор.

– Ну и что?

– Паротяги более маневренны.

– Но...

– Вы собираетесь учить меня воевать? – Нестор улыбнулся настолько обаятельно, что полностью нивелировал откровенно читавшееся в голосе высокомерие. То ли оскорбил, то ли пошутил, как это водится у друзей. Впрочем, какие они друзья...

Барон Ференц Нучик занимал во всемогущей Компании должность директора-распорядителя, а значит, был высокопоставленным специалистом по решению серьезных проблем. Более того, он был директором-распорядителем Департамента секретных исследований, то есть решал серьезные проблемы методами грязными, но эффективными. В настоящий момент Нучик занимался проектом «Заграта», добывал для Компании власть над миром, финансировал мятеж, а потому считал себя вправе влезать в распоряжения Нестора. До сих пор дер Фунье с контролем галанита мирился, но любому терпению рано или поздно приходит конец.

– На железнодорожные вагоны можно поставить пушки, – менторским тоном произнес Нучик.

– Которых у меня нет, – с иронией ответил Нестор и сделал еще один глоток вина.

– Королевские бронетяги снесут твои консервные банки

за десять минут!

– Я знаю.

– У короля служат профессионалы с опытом настоящих боевых действий.

– Я знаю, – спокойно повторил дер Фунье.

– И что?

– Ничего.

– Что значит «ничего»? – взорвался Нучик. – На это «ничего» ты тратишь тысячи цехинов! Золото превращается в консервные банки, а ты бубнишь: «ничего»! И прекрати повторять, что знаешь, как нужно! Не сработает! Со мной – не сработает! Я...

– Вы знаете, как нужно? – с интересом любопытствовал дер Фунье.

Нучик ответил адигену яростным взглядом.

«Высокомерная тварь! Мерзавец! Вонючая голубая кровь! Гнилая белая кость! Чванливый подонок...»

Но при этом – самый талантливый офицер Герметикона.

Блестящим военным образованием могут похвастаться многие, а вот талантом – единицы. И Нучик, несмотря на всю свою ненависть к адигенам, прекрасно понимал, насколько выгодным приобретением стал для Компании дер Фунье. Сколько побед одержано, и сколько еще впереди... Но вот терпеть высокомерную ухмылку с каждым днем становилось всё труднее и труднее.

– Вся наша трудоемкая и дорогостоящая работа пред-

назначена исключительно для глаз королевских шпионов, которых в Зюйдбурге полным-полно, – серьезно произнес Нестор. – Пусть Генрих думает, что я готовлюсь к осаде, это поможет ему расслабиться. Для него припасено нечто иное.

Нучик вздохнул, он понял, куда клонит дер Фунье.

– Когда вы разрешите моему кораблю лететь на Заграту? – с нажимом спросил Нестор. Полушутливый тон, которым дер Фунье начал беседу, испарился, перед бароном сидел жесткий и очень недовольный офицер, готовящийся к решающей битве. Перед ним сидел адиген, неудовольствие которого давило Нучика невидимым, но очень мощным прессом. – Когда?

И уверенность директора-распорядителя испарилась, сметенная огнем врожденной властности чистокровного адигена.

– Я всё еще считаю риск неоправданно высоким, – промямлил барон.

– А я не в состоянии воевать с Генрихом тем, что у меня есть! – Дер Фунье хлопнул себя по колену с такой силой, что Нучик вздрогнул. – Я придумал «Длань справедливости», я ее построил, и она нужна мне здесь!

– Переход, минуя Сферу Шкуровича, чрезвычайно опасен.

– На борту опытнейший астролог!

– Если «Длань справедливости» погибнет, Компания потеряет огромные деньги.

В действительности директор-распорядитель задерживал корабль по другим причинам: руководство Компании не хотело отдавать в руки дер Фунье столь мощное оружие. Директорам-наблюдателям требовался мятежный Нестор, потому что пожар на юге увел короля из Альбурга. Но при этом директора-наблюдатели абсолютно не желали видеть сильного Нестора. Однако у дер Фунье был рычаг давления на союзников, которые считали себя его хозяевами.

– Если «Длань справедливости» не придет, Компания потеряет Заграту!

– Неужели? – прищурился Нучик, пытаясь перейти в контратаку. – Потеряем, говоришь? С чего бы вдруг? Ты прекрасно знаешь, что беспорядки в южных провинциях лишь часть плана...

– Окончание мятежа развяжет Генриху руки, – усмехнулся Нестор. – Он вернется в Альбург и сотрет в порошок всех горлопанов, которых вы там расплодили.

– А почему мятеж должен закончиться?

– Потому что переделанными паротягами я Генриха не разобью, – издевательски объяснил дер Фунье. – И вы сами мне об этом рассказали, барон. И еще вы упоминали бронепоезд, но забыли об артиллерии, двух импакто и подавляющем преимуществе в живой силе. – Нестор поднялся на ноги и теперь скалой возвышался над вжавшимся в кресло Нучиком. – Генрих мчится на юг, барон, он жаждет расправиться со мной, потому что его захлестнули эмоции. Это всё, что

у него есть – эмоции и тяжеленные кулаки. У нас же, в отличие от короля, есть четкий план войны, но он основан на использовании «Длани справедливости». И если вы продолжите вставлять палки в колеса, мне придется плюнуть на наше маленькое предприятие и тем оказать любезному кузену большую услугу – позволить удержать власть.

– И что же ты будешь делать? – Нучик очень хотел, чтобы в вопросе слышалась издевка, хотел дать понять, что деваться дер Фунье некуда, но у него не получилось.

– Покину Заграту.

– Так просто?

Нестор пожал могучими плечами:

– А что здесь сложного? В Зюйдбурге находятся четыре цеппеля, я могу зафрахтовать любой из них и отправиться, куда захочу. Любая армия Герметикона с радостью выдаст мне офицерский патент.

– А как на твоей репутации скажется мятеж против законного короля Заграты?

– Никак не скажется! Кого волнуют мелкие события на задрипанной планете? – Нестор скривил губы: – В отличие от Генриха, я прекрасно понимаю место Заграты в Герметиконе – она никому не интересна. – Дер Фунье выдержал паузу, презрительно оглядел Нучика и продолжил: – Поскольку свои перспективы я обрисовал, то перейдем к планам Компании относительно этого мира. Начнем с того, что, как только мой цеппель уйдет в «окно», вы эти самые планы сможете

смело отправлять в печку...

Блеф или нет? Решение нужно принимать прямо сейчас. Нужно обдумать слова проклятого адигена и понять, действительно ли окончание мятежа вернет Генриху утраченные были позиции? Сумеют ли северяне совершить задуманное, если армия вернется в Альбург? Вряд ли – в этом дер Фунье прав. Но и усиливать непредсказуемого, почувявшего вкус власти адигена барону не хотелось. Компания ценила Нестора, однако...

– Кстати, просматривая вашу корреспонденцию...

– Ты вскрыл мое послание на Галану?! – Директор-распорядитель покраснел от гнева.

– Я?! – искренне удивился дер Фунье. – За кого вы меня принимаете, барон? Почту вскрыли мои люди, я же просто ее просмотрел... Забыл сказать, что вам нужен новый курьер, прежний чем-то отравился...

– Ты ответишь за это!

– Перед кем?

Нучик осекся.

Нестор выдержал паузу, давая галаниту возможность зачитать список, не дождался, выразительно усмехнулся и продолжил:

– Так вот, барон, просматривая вашу корреспонденцию, я обратил внимание на досадные ошибки в финансовых отчетах. По моим оценкам, вы взвинтили стоимость происходящего в Зюйдбурге на пятьдесят тысяч цехинов, и я могу

это доказать. Полагаю, директора-наблюдатели не придут в восторг от ваших маленьких шалостей.

– Можешь доказать?

– Я распорядился задержать вашего помощника по финансовым вопросам... Не арестовать, конечно же, просто задержать для разговора... Необычайно интересного разговора.

В черных глазах мятежника пылала холодная насмешка. Черные глаза задавали простой вопрос: «Воюем или договариваемся?» Черные глаза предупреждали: «Воевать не надо...»

Черные глаза адигена обещали столько неприятностей, что Нучик сдался:

– У тебя будет корабль, Нестор.

Воевать сейчас – безумие. Нужно собраться с мыслями, понять, как крепко держит его за горло проклятый мятежник, попытаться выправить отчеты...

– И еще пять тысяч цехинов, барон. Завтра утром я должен расплатиться по нескольким счетам и выдать жалованье наемникам.

– Хорошо.

Нестор допил вино, подмигнул портрету какого-то древнего короля, что украшал стену кабинета, повернулся к Нучику спиной, явно намереваясь выйти из комнаты, но задержался и, не оборачиваясь, произнес:

– Мне надоело, что вы мне тыкаете, барон. В следующий

раз потрудитесь быть вежливым, или я отрежу вам язык.

* * *

– Как вы и хотели, синьор: месса еще не закончилась. – Теперь старый Бен обращался исключительно к Валентину, на заносчивого старался даже не смотреть лишний раз – мало ли что? – Дальше ехать никак нельзя: во время воскресной мессы площадь оцеплена.

Помпилио сложил газету, которую распорядился купить сразу же, едва они въехали в Альбург, и недружелюбно посмотрел на трех гвардейцев в бирюзовых мундирах, перекрывших выезд на площадь. Посмотрел так, словно размышлял: замечать их или нет? В результате принял решение прогуляться и шевельнул правой рукой. Валентин соскочил с козел и помог Помпилио покинуть коляску.

– Мы успели, мессер.

– Очень хорошо, Теодор. И повозка мне понравилась.

– Я передам ваши слова вознице, мессер, ему будет приятно.

– Тогда не передавай.

Бен, который тоже слез на землю и теперь стоял у лошади, держа кепку в руке, молча выругался, но сумел сохранить на лице бесстрастное выражение.

– Ты не забыл приглашение, Теодор?

– Как можно, мессер? – Валентин извлек из нагрудного

кармана пропуск, подписанный Генрихом II и скрепленный его личной печатью, с легким поклоном передал его хозяину и продолжил: – С вашего позволения, мессер, я отправлюсь на поиски нового алхимика. Я знаю людей, которые дадут необходимые рекомендации.

– Выброси это по дороге. – Помпилио отдал слуге газету. – И возьми коляску.

– Не думаю, что в этом есть необходимость, мессер.

– Как хочешь. – Помпилио помолчал, повторяя в уме состоявшийся разговор, после чего осведомился: – А как я его найду?

Теодор повернулся к вознице:

– Ждать здесь.

– Конечно, синьор.

Валентин перевел взгляд на хозяина:

– Коляска будет ожидать вас здесь, мессер, на этом самом месте.

– Спасибо, Теодор. Что бы я без тебя делал?

– К вашим услугам, мессер.

Бену очень хотелось спросить, как же он будет общаться с чванливым адигеном в отсутствие Валентина, но здравомыслие заставило его прикусить язык – с такими людьми лучше не шутить. Вместо этого он натянул на голову кепку, разумеется, после того, как Помпилио и его слуга отошли на несколько шагов от коляски, однако тут же стянул ее, поднял глаза к колокольне, поднес ко лбу указательный и средний

пальцы правой руки и вознес главному заграбийскому святому коротенькую молитву. В конце концов, Бен тоже был олгеменом и желал извиниться за пропуск утренней мессы.

Высоченная колокольня, шпиль которой – им служила статуя святого Альстера – упирался в самые облака, была архитектурным центром Альбурга, превосходя по красоте не только дома горожан – что естественно, но и расположенный в половине лиги к югу королевский дворец. Четырехугольная, сложенная из темно-коричневого камня, она, казалось, сошла со страниц детских сказок, элегантно соединяя тяжеловесность классической адигенской архитектуры с воздушной легкостью стиля нуво, овладевшего умами строителей на закате Эпохи Ожерелья.

Вблизи сложенного из огромных блоков основания башня воспринималась могучей скалой, но стоило отойти хотя бы на полсотни шагов, как плечистый исполин превращался во вставшую на цыпочки проказницу. Ощущение это достигалось благодаря тому, что стены колокольни состояли из сплошных витражных окон, поднимающихся от второго этажа до самой крыши. Из камня были сделаны лишь четыре опорные колонны, украшенные балконами и скульптурами, а между ними царило цветное стекло, складывающееся в великолепные картины, описывающие деяния святого Альстера.

Любоваться башней можно было часами, особенно сейчас, во время мессы, когда негромким переливчатым звоном ласкали слух маленькие колокола, однако Помпилио бросил на красавицу лишь короткий взгляд, похожий на небрежное: «Привет!», прошел внутрь собора, продемонстрировав стоящим у дверей гвардейцам свое «приглашение», остановился у входа и огляделся.

То ли отсутствие короля сыграло свою роль, то ли неспокойная обстановка вынудила покинуть родной мир многих знатных загратийцев, но людей на мессе собралось немного. Величественный собор был заполнен едва ли наполовину, а потому Помпилио не только без труда отыскал нужных ему людей, но и место рядом с ними оказалось свободным.

– Доброе утро, тетушка Агата, – пробормотал он, усаживаясь на скамью.

– Я уж думала, ты не придешь, – тихо ответила старая адигена.

– Приятно, что ты обо мне помнишь.

Агата чуть приподняла брови, Помпилио понятливо склонился к старухе, и она поцеловала его в щеку.

– Рада тебя видеть, Помпилио.

Семидесятилетняя адигена была последней из загратийской ветви семьи дер Суан. Единственный ее сын умер в пятнадцатилетнем возрасте, а двум дочерям были составлены удачные партии на Андане и Тинигерии, и возвращаться на Заграту они не собирались. Сухонькая, хрупкая старушка

казалась безобидной, однако правила обширным поместьем железной рукой, надеясь передать его, вместе с титулом кому-нибудь из внуков.

– И я рада тебе, Помпилио, – негромко произнесла сидящая по левую руку от старой адигены девушка.

– Лилиан. – Помпилио склонил голову. – Превосходно выглядишь.

– Твои комплименты по-прежнему тяжеловесны.

– Я недостаточно времени провожу в светских салонах.

По губам Лилиан дер Ти-Нофаль скользнула улыбка.

Высокая и стройная блондинка была одета в модное ярко-красное платье, открытое ровно настолько, чтобы злые языки не называли его вызывающим. Однако игривый наряд не добавлял тепла: красивое лицо девушки было по-адигенски холодным.

– Где путешествовал?

– Сюда прибыл с Анданы, у меня там были дела, а до того посещал Каату.

Лилиан вновь улыбнулась, и вновь – едва заметно. Словно было нечто забавное в том, что Помпилио упомянул Каату. Очень забавное.

– Торопился, как мог... Кстати, переход на Заграту оказался трагическим, я потерял алхимика, а Теодор забыл мне напомнить поставить свечку. Как думаешь, в этом есть знак?

– Помолчи хотя бы минуту, – велела старуха.

– Зачем?

– Затем, что я так хочу.

– Почему же ты сразу не сказала?

– Пообедаем сегодня, – произнесла Лилиан так, словно назначила деловую встречу.

– С удовольствием.

Сидящий за девушкой мужчина – лысоватый брюнет с маленьким и острым лицом, смахивающим на мышиную мордочку, наклонился и протянул было Помпилио руку, но епископ провозгласил: «Творите добро!», и прихожане дружно поднялись на ноги.

– Печально, что всё так быстро закончилось, – пробормотал Помпилио. – О чем была проповедь?

– Ты специально приехал к окончанию, – заметила старая адигена. – Тебе никогда не хватало терпения прослушать всю мессу.

Это заявление Агаты лысоватый мужчина воспринял с большим интересом, однако завязать разговор с Помпилио ему вновь не удалось, поскольку адиген как раз стал причиной небольшого замешательства.

В тот самый момент, когда направлявшиеся к выходу принцы оказались в паре метров от скамьи, Помпилио сделал шаг назад, галантно освобождая проход тетушке, но при этом перегораживая его королевским детям и их свите.

– В сторону, адир, – негромко произнес гвардейский офицер.

Помпилио обернулся и выдал обаятельную улыбку:

– Я, кажется, мешаю...

Но с места не сдвинулся.

Наследник престола, двенадцатилетний Генрих, удивленно посмотрел на незнакомого дворянина, среди придворных пронесся шепоток, лица гвардейцев стали решительными – они готовились смести наглеца силой, и старой Агате пришлось срочно спасать положение.

– Доброе утро, ваше высочество. – Она вышла вперед, не забыв наступить Помпилио на ногу, и присела в неглубоком реверансе.

– Рад вас видеть, адира дер Суан.

Старуха знала Генриха-младшего сызмальства, он не раз гостил в ее поместье и всегда называл тетушкой. Однако в официальной обстановке ни адира, ни юный принц не забывали об этикете.

– Позвольте представить моего гостя, ваше высочество: Помпилио Чезаре Фаха дер Даген Тур.

Помпилио сдержанно кивнул. Принц удивленно приподнял брови. Старуха же позволила себе улыбку:

– Мой племянник немного неуклюж, но очень мил.

– Я заметил.

Мальчик, не отрываясь, смотрел на Помпилио, однако во взгляде не было агрессии или недовольства – только интерес. Так смотрят на человека, о котором много слышали, но никогда не видели лично.

– Добро пожаловать на Заграту, адир.

Младшие принцы шагнули вперед и без стеснения разглядывали незнакомца.

– Мессер, – едва слышно поправила Генриха-младшего успевшая приблизиться Агата. Теперь она держала юного, но высокого для своих лет принца за локоть и была уверена, что доведет разговор до конца. Кроме того, она почти шептала Генриху-младшему на ухо, и никто из придворных не слышал ни слова. – Наш гость из рода даров.

А это значит, что, будь ты хоть королем, хоть простолюдином, обращаться нужно «мессер» и никак иначе. К счастью для всех, Генрих-младший об этой тонкости знал.

– Добро пожаловать на Заграту, мессер.

И вновь тишина. Помпилио дружески улыбался, но не произносил ни слова, предоставляя Агате улаживать щекотливую ситуацию.

– Генри, твой отец пожаловал моему племяннику привилегию говорить «ты», – торопливо продолжила старуха. – Если хочешь услышать ответ, ты должен сделать то же самое.

Молчание Помпилио неприлично затягивалось, что вызвало среди придворных очередную волну недоуменного шепота. Им казалось, что назревает скандал.

– Я должен с ним поговорить? – растерянно спросил принц. – Тетушка, я не понимаю...

– Помпилио знает этикет не хуже нас с тобой, Генри. И если он решил привлечь твое внимание столь необычным образом, значит, у него есть на то основания. Продолжай раз-

говор.

И юный принц показал, что достоин быть наследником престола. Он гордо вскинул голову и, глядя на лингйца снизу вверх, громко произнес:

– Дарую тебе привилегию говорить мне «ты», мессер Помпилио. Друг моего отца – мой друг.

– Благодарю, – улыбнулся адиген. – Счастлив видеть тебя в добром здравии, маленький принц. У нас не было возможности познакомиться, но я вижу, мой друг Генрих воспитал хорошего сына.

Мало кто мог себе позволить говорить с наследником престола столь свободно и непринужденно, а потому все находящиеся в соборе люди с любопытством вытягивали шеи, ловя каждое слово необычного разговора.

– Зачем ты прибыл на Заграту, мессер? Повидать отца?

– Когда-то я оставил здесь перстень, – намеренно громко ответил адиген. – За ним приехал.

Принц заметно вздрогнул, однако взгляд не отвел. Шепот вокруг усилился, удивлению придворных не было предела, а вот лысоватый господин неожиданно нахмурился.

– Надеешься его забрать? – поинтересовался Генрих-младший.

– Надеюсь его оставить, но если придется – заберу. Мне очень нравится этот камень – необычный игуаский алмаз с красным сердцем.

– Очень редкий камень.

– Я знаю, маленький принц.

Генрих-младший натянуто улыбнулся, кивнул старухе: «Адира Агата» и вместе с братьями продолжил путь к дверям. За принцами проследовала свита, и каждый проходящий считал своим долгом бросить на странного адигена изумительный взгляд.

Когда же вся королевская рать покинула собор, старуха повернулась к Помпилио и поинтересовалась:

– Что за история с перстнем?

Лилиан и лысоватый наострили уши, однако уже через секунду разочарованно вздохнули.

– Маленькое личное дело, тетушка, – обаятельно улыбнулся Помпилио. И сделал шаг в глубь собора. – С твоего позволения, я все же поставлю свечку в память о Форце. Он был неплохим человеком.

– Буду ждать тебя «У Фридриха».

Согласно обычаю на воскресную мессу королевская семья отправлялась через площадь пешком, с достоинством принимая от верноподданных положенные почести. Обратный же путь проделывался в позолоченной карете, запряженной шестеркой белых лошадей и сопровождаемой конными гвардейцами. Процессию, конечно, тоже приветствовали, однако отгороженные от народа властители Заграты имели возможность немного отдохнуть.

Или поговорить.

– Ты знаешь этого адигена? – спросил десятилетний Гу-

став, едва карета сдвинулась с места.

– Впервые увидел, – пожал плечами наследник.

– У него красивый месвар, – заметил восьмилетний Георг, который обратил внимание исключительно на одежду Помпилио. – Почему папа никогда не носит месвары и нам запрещает? Во всех сказках адигены носят месвары.

– Потому что мы не адигены, – отрезал наследник. – Мы – заграбийские короли.

– А папина бабушка была адигеной, он сам об этом говорил.

– Ты понял, о каком перстне шла речь, – продолжил Густав, не обращая внимания на слова Георга. – Я заметил, как ты вздрогнул.

Отнекиваться старший брат не мог и не хотел.

– Помпилио говорил об этом перстне. – Генрих-младший поднял руку и продемонстрировал брату украшение. Слишком крупное для двенадцатилетнего мальчика, а потому с трудом держащееся даже на перчатке. – Отец дал его мне перед тем, как отправиться на юг.

Большой алмаз был и в самом деле необычен: в самом его центре переливалась маленькая красная точка – сердце.

– Здесь какая-то тайна, – глубокомысленно сообщил маленький Георг. – Как в сказках...

– Отец что-нибудь сказал? – поинтересовался Густав, разглядывая перстень с таким видом, словно в нем, как это частенько бывает в сказках, прятался могущественный дух.

– Приказал не снимать, никому не отдавать и предупредил, что за ним может приехать адиген по имени Помпилио.

– И всё? – разочарованно протянул Густав.

– Нет, не всё, – качнул головой Генрих-младший. Он помолчал, обдумывая, следует ли рассказывать братьям всё, решил, что следует, и продолжил: – Отец сказал, что Помпилио – друг и позаботится о нас, если что-нибудь случится.

– А что может случиться?

– Не знаю. – Наследник вновь выдержал паузу. – Но отец ведет войну, и у него много врагов. Случиться может всё.

Камень мягко блеснул, словно подтверждая: «Всё может случиться, детки, поверьте, я знаю». И сердце его показалось каплей крови.

– Мне это не нравится, – мрачно произнес Густав.

– Мне тоже, – вздохнул Генрих. – И Помпилио, вы же слышали, сказал, что с удовольствием оставит перстень у меня.

Фраза прозвучала настолько угрюмо, что Густав поежился.

– Что это значит?

– Это значит, Помпилио придет, если будет очень-очень плохо. А он не хочет, чтобы нам было очень-очень плохо.

– Папа победит всех врагов! – безапелляционно заявил Георг. – Папа сильный!

С этим заявлением принцы спорить не стали.

Главные двери собора Святого Альстера выходили на одноименную площадь, которая своими размерами уступала

лишь ярмарочной, расположенной в Зюйдбурге. Размерами, но не красотой. Самая большая площадь южной столицы Заграты использовалась по прямому назначению: два раза в год, сразу после сбора урожая, на ней устраивались шумные и долгие, недели на три-четыре, торги, на которые съезжались купцы со всей Заграты – знаменитые Южные Ярмарки. Между ними работал куда более скромный по размерам рынок. А вот огромное, мощенное серым булыжником пространство площади Святого Альстера уже три столетия было свободно от торгов. На площади объявляли королевские указы, устраивали военные парады, карнавалы и цеховые шествия, а во все остальное время она была излюбленным, наравне с Прибрежным парком, местом гулянья горожан.

Южной стороной площадь упиралась в королевский дворец Заграшлосс. Величественный, но мрачноватый, поскольку, несмотря на несколько перестроек, он до сих пор сохранял черты мощного замка. Справа от дворца, на восточном краю площади, располагались казармы королевской гвардии, а слева возвышалась ратуша, часы которой играли каждую четверть часа. Все главные здания были выстроены в едином стиле из одинакового коричневого камня, а вот остальные дома площади специальным указом было велено штукатурить. Причем цвет штукатурки определяла королевская комиссия – властители Заграты заботились о виде, что открывался из окон дворца.

На первом этаже одного из этих домов, который располо-

жился между собором и муниципалитетом, находился самый известный заграбийский ресторан «У Фридриха». На его открытой террасе Помпилио отыскал тетушку Агату и того самого лысоватого господина, которого первоначально принял за управляющего тетушкиным поместьем.

– Как дела в Герметиконе? – светским тоном осведомилась адира Агата.

– Я не был там год. – Помпилио поднял бокал с белым вином. – За встречу.

– За встречу.

Нежный перезвон стекла, дружелюбные взгляды и легкое, освежающее белое...

– Хороший урожай, – одобрил Помпилио, рассматривая содержимое бокала на свет. – Этого года?

Он тоже умел вести светские беседы.

– Прошлого.

– Нужно будет запасти пару ящиков.

– Куда собираешься с Заграты?

– Будет зависеть от настроения.

– У вас интересная жизнь, – попытался вклиниться в разговор лысоватый.

– Она у меня одна. – Помпилио продолжил смотреть на тетушку. – Я привез Лилиан письмо с Кааты.

– Догадываюсь от кого, – усмехнулась старая адира.

– В данном случае нетрудно быть прозорливой. – Помпилио сделал еще глоток вина.

– Так ты прибыл к Лилиан? – уточнила Агата.

– Я прибыл на Заграту, тетушка. А значит, к Лилиан, к тебе и всем друзьям. Твоя дочь шлет привет.

Небрежная фраза заставила лицо старухи затвердеть. Она выдержала паузу, четко давая понять, что тема ей неприятна, после чего предельно холодным тоном поинтересовалась:

– Как поживает Мари?

– Она уверяет, что засыпала тебя письмами, тетушка. Наверняка в них был ответ на этот несложный вопрос. И еще...

– Помпилио, достаточно!

– Как будет угодно. – Помпилио насадил на вилку кусочек дыни, которая наилучшим образом оттеняла вкус загратийского белого, и выбрал другую тему: – В прошлый раз на мессе было гораздо больше людей.

– Ты слишком давно не посещал Альбург.

– Всего два года.

– С тех пор многое изменилось.

– Я вижу.

– Загратийское общество становится более прогрессивным и приветствует либеральные идеи. – Лысоватый принял вторую попытку вступить в разговор.

– Твое неожиданное появление заставило меня позабыть о приличиях, – улыбнулась адира Агата. – Ян, простите меня. Помпилио, позволь тебе представить Яна Зопчика, главного редактора «Загратийского почтальона».

– К вашим услугам, мессер.

Помпилио неспешно прожевал дыню, после чего кивнул:

– Мне тоже приятно. – Однако выражение его лица говорило об обратном.

– Я умолил адиру Агату разрешить мне присутствовать при встрече, поскольку не мог себе позволить упустить возможность познакомиться и поговорить со столь известным человеком. Надеюсь, вы простите мою смелость, мессер?

Зопчик хотел польстить, но попытка не удалась. Легкое неудовольствие, появившееся на лице адигена при представлении, сменилось кислым выражением. Но поскольку тетушка лишь кивала во время речи Зопчика, Помпилио пришлось поддерживать разговор самостоятельно.

– Два года назад «Почтальон» казался солидной газетой, – буркнул он. – Да.

Агата усмехнулась и поднесла к губам бокал с вином.

– Хотите сказать, что теперь это не так? – удивленно поднял брови Зопчик.

– Я просмотрел сегодняшний выпуск. – Помпилио положил в рот еще один кусочек дыни, и потому его следующая фраза прозвучала несколько невнятно: – Ты обвиняешь епископа во взятках?

Старуха покачала головой: жест Помпилио был оскорбительным. Однако Зопчик сделал вид, что ничего не заметил.

– Мы боремся за справедливость.

– «Мы» говорят расплодившиеся по всему Герметикону короли, – назидательно произнес адиген. – Тем они хотят

отличаться от даров. А каждый приличный человек должен иметь свою собственную точку зрения и говорить «я». Ты приличный человек?

– Мы – это значит я, редакция и все либерально настроенные заграбийцы. Я пишу для них.

– Вряд ли утренняя месса привлекла большое количество либеральных заграбийцев. Я видел в соборе только тех, кого твоя газета называет замшелыми консерваторами.

– Совершенно верно, – признал редактор Зопчик.

– В таком случае что делал на мессе ты? Хотел извиниться перед епископом, но не собрался с духом?

– Я не оскорбил епископа, а выставил напоказ его грязные делишки, – мгновенно ответил Зопчик. – А на мессе я искал материал для следующей передовицы. Я считаю, что люди должны стать свободными. Должны сами устраивать свою жизнь...

– Что же им мешает? Олгеменизм?

– Религия дурманит сознание и помогает адигенам удерживать власть.

– Фраза, достойная галанита.

– Помпилио! – Тетушка Агата недовольно поджала губы.

– А я всё думал: когда же вы вспомните о моем происхождении? – усмехнулся Зопчик. Чувствовалось, что он не просто думал, а нетерпеливо ждал выпада Помпилио.

– Вспомнил, как только ты дал повод. Ты, кстати, чирит или прикидываешься атеистом?

– Я не прикидываюсь, – гордо ответил Зопчик. – Я убежден в том, что бога нет.

– В таком случае какое тебе дело до епископа, галанит? Ваши воззрения не пересекаются, почему бы не оставить старика в покое? Будь ты фанатичным чиритом, в твоих действиях было бы больше честности.

– Мне жаль, что выдающийся исследователь и путешественник мыслит столь узко. Мне искренне жаль, и я разочарован.

– Надеюсь, ты понимаешь, галанит, что мне глубоко безразличны твои чувства?

На этот раз слово «галанит» Помпилио выделил голосом и сопровождал презрительной гримасой, чем окончательно вывел редактора из себя:

– «Быть галанитом – не преступление, преступление быть живым галанитом», – процитировал Зопчик. – Знакомые слова, мессер?

– Их произнес на заседании лингийской Палаты Даров мой прапрапра– и еще несколько раз прапрадед, – с гордостью ответил Помпилио. После чего издевательски осведомился: – Запали в душу?

– Я нахожу их омерзительными.

– Будь я галанитом, я бы согласился. Но я адиген, а потому хочу спросить: скольких галанитских адигенов ты знаешь, Зопчик? Со сколькими знаком?

Агата поняла, что Помпилио не остановить, а потому про-

сто потягивала вино, бросая на мужчин недовольные взгляды.

– Я вырос на свободной Галане!

– И раз в год ты накрываешь стол и празднуешь светлый праздник Сиулуку, день, когда вы начали избиение адигенов. Твои предки жгли, вешали и потрошили мужчин, насиловали, а потом четвертовали женщин. В этот день ты веселишься и пьешь вино. Ты еще находишь слова моего предка омерзительными, галанит? Они были произнесены через неделю после начала кровавой бани. И мой предок сказал то, что думал. И так думали все адигены Герметикона.

Зопчик, надо отдать ему должное, взгляда не отвел. Покрылся краской, но продолжил бурлить Помпилио черными глазами. Зопчик разозлился, но самообладания не потерял:

– Это старая история, мессер.

– А то были старые слова.

– Галана изнывала под властью адигенов.

– Так же, как сейчас Заграта изнывает под властью короля?

– Генрих неплохой правитель, но не совсем хорошо понимает чаяния народа. – Зопчик постепенно успокаивался. – Современный человек должен сам вершить свою судьбу, за либеральными идеями будущее. Рано или поздно общество станет иным: свободным и толерантным.

– Ты льешь грязь на церковь, а тебя никто не трогает, – заметил Помпилио. – Куда уж толерантнее, галанит? На Линге

ты уже прогуливался бы по камере.

– Я обвиняю епископа, а не церковь, – уточнил Зопчик.

– Я не заметил в статье доказательств, только общие слова. Очень грамотно расставленные слова. – Помпилио помолчал. – Церковь призывает к миру и стабильности. И я знаю, что раз на нее идет атака, значит, кому-то не нужно ни то, ни другое. У всякого действия есть цель.

– Новое счастливое общество.

– Король делает всё, чтобы у заграбийцев была работа и доход. Что ты вкладываешь в понятие счастливое общество?

– У всех заграбийцев есть работа и доход?

– Я путешественник, Зопчик. Я посетил множество миров с разной формой правления и везде встречал и нищих, и бродяг. Везде были преступники.

– Разве справедливо, что одни живут во дворцах, а другие ютятся в малюсеньких комнатах?

– Твой костюм стоит десять цехинов.

– И я хочу, чтобы у каждого человека был такой же.

– Но почему сейчас ты не ходишь в рубище?

– Ваш месвар стоит раза в три дороже моего костюма, – попытался контратаковать Зопчик.

– А я не разделяю твои взгляды о всеобщем равенстве.

Помпилио рассмеялся и взялся за бокал. На толстых пальцах сверкнули перстни с крупными камнями.

Старая адира улыбнулась. Галанит понял, что проиграл, и попытался зайти с другой стороны:

– Вот вы лингиец, так?

– Совершенно верно, – подтвердил Помпилио.

– На Линге действует самое жесткое Право гостей во всем Герметиконе. Сферопорт – единственное место, где граждане других миров могут жить и заниматься бизнесом.

– Ну и что?

– Заграта куда свободнее!

– Поэтому она рушится.

Зопчик осекся.

– С чего вы взяли?

– Я – путешественник, – напомнил Помпилио. – Я уже слышал подобные лозунги на Эрси. Знаешь ее историю?

– Какое отношение...

– Эрси заселили в Эпоху Белого Мора. Переселенцев возглавил верзийский дар Иоанн, который, подобно загратийскому Альстеру I, основал королевство, а не Палату Даров. В Эту Эпоху, после того как мир вернулся в лоно цивилизации, кто-то начал раскачивать лодку под лозунгами, которые ты только что нам излагал. Случилась революция, династия рухнула, однако парламентская республика продержалась всего два года, после чего ее сменила хунта, которая переросла в диктатуру, затем диктатура выродилась в империю, которая через десять лет раскололась на кучку враждующих королевств. Сейчас на Эрси вновь единое государство, которым правит обновленная хунта. На Линге ее называют Кровавой, а нужно очень постараться, чтобы заслужить от

нас такой эпитет. Мы знаем толк в крови.

– Иногда события развиваются не так, как хотелось бы, – протянул галанит.

– Твои лозунги стирают грань между добром и злом, – очень холодно произнес Помпилио. – Они ведут к вседозволенности.

– Я верю в свои идеалы. – Зопчик поднялся и отвесил легкий поклон: – Адира, счастлив был повидаться. Мессер Помпилио, благодарю за интересную беседу. До свидания.

Помпилио проводил удаляющегося редактора взглядом, после чего вновь взялся за бокал.

– Вино на самом деле замечательное.

– Ты был слишком суров, – заметила тетушка Агата. – Ян действительно верит в справедливость и тем подкупает.

– Я не верю, – хмуро отозвался Помпилио.

– В справедливость?

– В Яна.

– Потому что он галанит?

– Потому что он лжив. Потому что мне не нравится то, что происходит на Заграте, а он это поддерживает.

– Здесь всё перепуталось, – вздохнула старая адира. – Генрих очень хочет быть хорошим, но ему недостает твоей жесткости.

– Он совершает одну ошибку за другой.

– И они могут стоять Генриху короны... – Агата покачала головой. – Так что это за история с перстнем? Для чего ты

устроил представление в соборе?

Она была старой, но не глупой. Запоминающаяся сцена была сыграна не просто так, и Агата жаждала объяснений.

– Хотел, чтобы по Альбургу поползли слухи, – медленно ответил Помпилио. – Пусть местные говорят, что на Заграту прибыл родной брат лингийского дара. Надеюсь, это поможет.

– Сплетники решат, что Генрих договорился с Лингой, – догадалась старуха.

– Вот именно.

Агата помолчала, после чего тихо спросила:

– А на самом деле?

Помпилио покосился на официанта – тот мгновенно оказался рядом и наполнил бокалы собеседников вином, – дождался, когда он отойдет, и грустно сообщил:

– Существует негласная договоренность: Заграта входит в сферу интересов Кааты. Мы помогли бы только в том случае, если бы Генрих согласился вступить в Лингийский союз. Но есть условие...

– Он должен основать Палату Даров, – продолжила старуха.

– И потерять абсолютную власть над Загратой.

Агата вздохнула, внимательно вглядываясь в лицо Помпилио, и тот продолжил:

– На последних переговорах ему предложили три дарства из девяти, на которые имеет смысл делить Заграту. И все три

здесь, на самом лучшем континенте. Генрих мог бы сделать властителями всех своих сыновей, но отказался.

– Не зря его называют Гордым, – обронила Агата.

– Ему стоило бы прозваться умным, – проворчал Помпилио.

– А что Каата?

– Нестор – адиген, пусть и выросший на Заграте. В отличие от Генриха, Нестор чтит законы и кажется каатианцам лучшим претендентом на трон. Они не настолько глупы, чтобы поддержать мятеж, но и мешать не станут.

– Значит, Генрих остался один?

– Именно поэтому я прошу тебя принять приглашение Мари и отправиться на Андану! – с жаром произнес Помпилио. – Нестор и Генрих могут доиграться до того, что Заграта повторит путь Эрси. А с адигенами на Эрси обошлись так же, как на Галане.

– Я не поеду, – отрезала старуха.

– Тетушка!

– Я не собираюсь доживать свой век в нахлебниках! – Агата гордо вскинула голову. – Я адигена, Помпилио, и здесь моя земля.

– Мир не имеет значения.

– До тех пор, пока он не стал твоим. Ты оставил Лингу, Помпилио, но смог бы ты ее бросить?

Мужчина опустил взгляд.

– Мир не имеет значения, Помпилио, ты адиген, ты пер-

вый в любом из них. Но за Лингу ты будешь драться до последней капли крови. За свою Лингу ты убьешь и умрешь. – Агата нежно провела пальцем по руке лингийца. – Я слишком стара, чтобы драться, но свою землю я не оставлю.

– Только на время, пока здесь всё не образуется.

– Ни на секунду, – покачала головой старуха и безапелляционно закончила: – Завтра я жду тебя на ужин.

– Конечно, тетушка.

– И не волнуйся насчет Генриха, Помпилио, его армия – единственная на Заграте, а потому самая сильная. Он справится.

* * *

«...Всю дорогу перед бронепоездом ехал разведывательный паровоз с двумя вагонами, в которых расположился пулеметный взвод. Однако эта предосторожность, на которой так настаивал полковник Роллинг, оказалась излишней – никто и ничто не препятствовало продвижению армии. Я в очередной раз убедился, что подданные верны мне и события на юге – досадное недоразумение, обусловленное ораторским искусством Нестора, которое, как говорят, весьма высоко. На всех станциях, где мы останавливались, меня встречали толпы заградийцев. Я обращался к людям, я общался с ними лицом к лицу, поверь, дорогой сын, это замечательный

опыт. Мы так много думаем о наших подданных и так мало видим их... Это неправильно. Восстановив порядок, я обязательно введу новое правило: стану общаться с людьми не реже одного раза в месяц. Возможно, во дворце, возможно, для этого придется выстроить специальную приемную, но я принял решение – я должен быть ближе к народу. Надеюсь, что ты, мой дорогой сын и наследник, оценишь и поддержишь это начинание.

Возвращаясь же к нынешней поездке, хочу отметить, что народ выражает мне полную поддержку и настаивает на том, чтобы я как можно скорее покончил с мятежниками. Уверен, что в толпе находились и те, кто втайне желает победы Нестору, однако демонстрация военной мощи наверняка произвела на них нужное впечатление. Я никогда не думал, что на железнодорожных платформах бронетяги будут выглядеть внушительно и грозно, но они именно так и смотрятся. Чего уж говорить о бронепоезде или импакто?

Моя армия несокрушима!

Не скрою, мой дорогой сын, приближающаяся битва заставляет меня слегка нервничать. Я не опасюсь сражения, пойми меня правильно, а нервничаю. Мне претит сама мысль, что загратийцы будут сражаться с загратийцами, но такова жизнь. И таковы адигены, одним из которых является Нестор дер Фунье. Увы, им нужна только власть. Для себя я решил твердо: Нестору придется умереть. Я убедился

в подлости Нестора и уверен, что даже в изгнании он не оставит нас в покое. Он упорен.

А вот остальных мятежников я помилую. Я объявлю об этом накануне решающей битвы, которая состоится у стен Зюйдбурга. Я медленно подведу войска к оплоту мятежников, позволю им убедиться в моем превосходстве и несокрушимой мощи, а после, еще до первого выстрела, объявлю амнистию. И я сдержу слово даже в том случае, если никто из мятежников не покинет Нестора...»

Из личной переписки Генриха II Гордого, короля Заграты

Как и в подавляющем большинстве миров Герметикона, основным внутренним транспортом Заграты были оснащенные кузельными двигателями паровозы – стоимость их использования была куда ниже, чем дирижаблей. Железнодорожные пути протянулись во все уголки континента, а главной артерией Заграты считалась Южная дорога, идущая параллельно Южному тракту и связывающая Альбург с Зюйдбургом. Расстояние между двумя крупнейшими городами Заграты составляло почти две тысячи лиг, и на пути была лишь одна серьезная преграда – полноводная Каса. В свое время строителям пришлось потратить три года на возведение через нее железнодорожного моста, но получился он на славу: хоть и не очень красивым, зато крепким и надежным. Старый мост Южного тракта находился чуть выше по течению, а сложившийся вокруг него городок носил название Касбридж. Без фантазии, зато предельно доходчиво.

Задерживаться на берегах Касы Генрих не собирался, он рвался на юг. Однако у Нестора на этот счет имелись свои планы, в реализации которых мятежник весьма преуспел.

– Как это произошло? – сквозь зубы спросил король.

Бургомистр и начальник военного гарнизона Касбриджа были людьми рослыми, возможно, даже выше Генриха, однако страх заставил их съежиться, и теперь паникующие чиновники тарасились на разъяренного короля снизу вверх.

– Но-но-ночью... – пролепетал бургомистр.

– В-в-вч-вчера... – добавил начальник гарнизона.

– Мерзавцы!

Даже в гневе Генрих II старался сохранять царственное величие: твердый взгляд синих глаз, холодное выражение крупного, с резкими чертами лица, уверенные жесты... Нет, один жест все-таки выдал бурлящее внутри бешенство – правой рукой король нервно погладил маленькую бородку.

– Я приказывал беречь мост, как зеницу ока!

– Мы с-ст-старались, ва-ва-ваше величество... я ли-лично...

– Что лично?!

– Я п-пр-проверял!

– А я в-в-возглавил оп-п-полчение... я...

– Молчать!

– С-с-слушаюсь.

Дурные вести прилетели, едва бронепоезд остановился на вокзале Касбриджа.

Нестор захватил мост. Что значит захватил? Немедленно выбить! Уже... то есть... он ушел... Тогда в чем дело? В том-то и дело, ваше величество... что... Где бургомистр? Там... Где начальник гарнизона? Там... Где там?! У моста...

Король поспешил на берег Касы, где обнаружил и бургомистра, и начальника гарнизона, и разрушенный мост.

– Докладывайте по существу!

– С-слушаюсь, ва-ваше ве-ве...

– И не заикайтесь!

– Я п-п-постараюсь...

Стараться получалось плохо. И всё остальное тоже было плохо.

Нестор остался верен себе: ударил вовремя и сильно. Группа мятежников – начальник гарнизона предположил, что это были наемники, – сумела скрытно перейти на правый берег и захватить охрану врасплох. Пока местные узнали, что мост захвачен, пока подняли находящихся в Касбридже солдат, пока добирались две лиги до моста, мятежники успели укрепиться и встретили «штурмовой отряд» пулеметным огнем, чем окончательно погасили и без того невысокий пыл королевских солдат. На мост вышли рабочие, и за те десять часов, что мятежники удерживали позиции на правом берегу, они успели разобрать пути и взорвать центральный пролет. Теперь наемники сидели на левом берегу и открывали огонь по всем, кто выходил на мост.

– Вас обоих повесить мало, – просипел Махони.

– Вот именно мало, – зло бросил король.

Бургомистр побелел, начальник гарнизона потупился.

– Идиоты, – небрежно бросил полковник Алистер, блестящий командующий блестящих королевских драгун. Бросил и небрежно сдул пушинку с блестящего мундира цвета морской волны.

«Идиоты – что верно, то верно...»

Однако, несмотря на ярость, Генрих понимал, что ошибку допустил он. Мятеж наглядно продемонстрировал, что собой представляют провинциальные гарнизоны – надежды на них нет. Следовало отправить в Касбридж батальон гвардии, но... Не отправил. И Нестор мастерски воспользовался оплошностью.

«Ладно, посмотрим, как ты себя проявишь в открытом бою...»

Король поднялся на пригорок, передал трость адъютанту и навел бинокль на противоположный берег, изучая укрепления мятежников. Офицеры осторожно потянулись следом. Яркие мундиры королевской свиты были прекрасной мишенью, однако огонь мятежники не открыли. Складывалось впечатление, что они видели только тех, кто выходил на мост.

– У них «Шурхакены», – угрюмо сообщил Махони. – А чуть дальше, на опушке, стоят две «Марту».

– Если у них есть «Марту», мы не сможем использовать импакто, – мрачно отозвался Генрих, пытаясь отыскать ука-

занные генералом цели. – Я не хочу рисковать.

– Цеппели могут бомбить с недоступной для пушек высоты, – возразил Махони.

– Но с какой точностью? – саркастически поинтересовался король. – И что будет, если бомбы окончательно разрушат мост?

– Всадники не пройдут по остаткам пролета, выбивать мерзавцев должна пехота, – произнес полковник Алистер, закончив изучать мост с помощью блестящего золоченого, украшенного монограммой бинокля. После чего покосился на помрачневшего Махони. – Подтянем «Шурхакены», несколько полевых орудий и под их прикрытием...

– Старый мост в наших руках, – подал голос полковник Роллинг, командир бригады бронетягов.

И блестящий Алистер понял, какую блестящую глупость только что сморозил.

– Как только мы переправим на тот берег хотя бы роту драгун, мятежники уйдут, – закончил Роллинг.

Он постарался, чтобы замечание прозвучало максимально корректно, ни в коей мере не задело чувств Генриха и его подданных. Из всех старших офицеров королевской армии Роллинг единственный обладал опытом боевых действий, но он был чужаком, наемником, а потому обычно его мнение интересовало заграбийцев в последнюю очередь.

– У Старого моста нас может поджидать засада, – глубокомысленно изрек Махони.

– Верно! – поддержал генерала Алистер. – Они могли выкопать ямы, и кавалерийская атака захлебнется. В первых рядах должна идти пехота...

– По Старому мосту ходят паротяги, а значит, пройдут и бронетяги, – продолжил Роллинг. – Я сниму с платформы одну машину, и под ее прикрытием выдвинем на тот берег драгунский эскадрон. Но ставлю два цехина против бумажной марки, что мятежники уйдут еще до того, как мы закончим снимать бронетяг с платформы. – Подумал и добавил: – И засады там никакой нет.

В конце концов, он нанимался воевать, а не беречь чувства напыщенных болванов.

– Почему вы так думаете, Роллинг? – поинтересовался король.

– Потому что Нестор сделал здесь всё, что хотел, ваше величество, – немедленно ответил наемник. – Если бы он хотел взорвать мост полностью, он бы его взорвал. Если бы он пожелал захватить Старый мост – он бы его захватил.

Махони покраснел, но сдержался, пообещав себе при случае подгадить не по чину говорливому наемнику.

– То есть Нестор решил задержать нас, чтобы успеть подготовиться к обороне Зюдбурга? – уточнил король. – Это вы хотите сказать?

– Нестор задумал снять нас с поезда, ваше величество, – объяснил Роллинг. – Я больше чем уверен, что в настоящий момент его люди разбирают пути лигах в десяти к югу. А

может, уже разобрали и приступили к следующему участку.

Генриху очень хотелось спросить: «И что же нам делать?», но он вовремя сообразил, что такая постановка вопроса серьезно уронит его авторитет. Поэтому король выдержал паузу, вновь посмотрел в бинокль, словно стараясь отыскать портящих железнодорожные пути рабочих, и лишь после этого осведомился:

– Что вы предлагаете, Роллинг?

– Не поддаваться, – спокойно ответил наемник. – Необходимо выдавить мятежников с левого берега, укрепиться и начать ремонт моста. Одновременно создать подвижное соединение в составе двух драгунских полков и четырех бронетягов и выдвинуть его вдоль железнодорожных путей под прикрытием обоих импакто. При грамотных действиях это соединение сможет плотно контролировать до сорока лиг дороги. Еще столько же будут просматривать импакто.

– А через восемьдесят лиг нас снова будут ждать разобранные пути? – презрительно уточнил Алистер. Ему очень не хотелось отправлять два полка на вражескую территорию: если хитрый Нестор их разобьет, король будет недоволен, что плохо скажется на блестящих пока карьерных перспективах.

– Скорее всего, пути действительно будут разобраны, – пожал плечами Роллинг. – Придется взять с собой необходимые для ремонта материалы.

– Нестор может разобрать всю ветку, вплоть до самого

Зюйдбурга, – грубовато произнес Махони. – Мы потеряем время.

– Мятеж – штука тонкая, основанная на эмоциях, – не согласился Роллинг. – Первые победы воодушевили население, однако осознание медленно, но неотвратимо приближающейся армии заставит людей нервничать. Наша неспешность посеет в них страх. Опять же – приближается время сева, так что время работает на нас.

– Не уверен, – задумчиво произнес король. – Не уверен...

Тридцатитысячной загратийская армия была только на бумаге, в отчетах казначейства да статистических выкладках. Как только дошло до настоящего дела, выяснилось, что выставить всю ее против мятежника не представляется возможным. Четыре тысячи солдат и офицеров перешли на сторону мятежника, еще четыре тысячи пришлось разбить на бригады и разослать по северным провинциям, в помощь гарнизонам, не справляющимся с расплодившимися разбойниками. Четыре тысячи человек: три пехотных и один драгунский полк при поддержке двух бронетягов, остались в столице. Две тысячи рассеяны по северным гарнизонам... Вот и получается, что двенадцатитысячному войску Нестора Генрих смог противопоставить всего шестнадцать тысяч человек. Девять пехотных и шесть драгунских полков. Перевес есть, но уже не столь значительный, каковым представлялся раньше.

Но еще больше настроение королю портил оставленный

в столице Джефферсон, который сообщал, что обстановка ухудшается, народ неспокоен, и чем быстрее армия вернется в Альбург или же туда долетит весть о безоговорочной победе над мятежниками, тем лучше. У старого полицейского генерала было много недостатков, однако склонность к истерикам среди них не числилась, а значит, отправленные в северные провинции войска не справляются, и необходимо как можно скорее продемонстрировать силу. Подавить мятеж и тем развязать себе руки для успокоения северян.

Генрих вернул адъютанту бинокль, взял свою трость и распорядился:

– Карту!

Он прекрасно представлял оставшийся до Зюйдбурга путь, однако расстеленная на земле карта добавляла импровизированному совещанию внушительности. Пригорок, полуразрушенный мост, засевающие на той стороне пулеметчики – при желании можно было представить пороховой дым, идущие в атаку войска и крики «Ура!». Героический, если вдуматься, эпизод, придворные художники наверняка отразят его в величественной картине «Форсирование Касы».

– Между Касбриджем и Зюйдбургом около четырехсот лиг. – Кончик королевской трости последовательно указал на один город, на второй, а после прочертил путь. – Железная дорога и Южный тракт идут параллельно, серьезных препятствий нет... Сколько времени уйдет на починку моста?

Алистер придал физиономии недоуменное выражение.

Махони пожал плечами.

– Двое суток, – негромко доложил Роллинг.

– Это ваше предположение?

Король хотел немного осадить наемника, чтобы остальные офицеры не чувствовали себя совсем уж дураками, однако вышло только хуже.

– Спросил у местных инженеров, как только узнал, что мост поврежден, – сообщил Роллинг. – Сначала они просили четыре дня, но я рассказал, что во время войны саботажников принято вешать, и они согласились с тем, что работы можно ускорить.

Махони и Алистер стояли, будто оплеванные.

«А ведь Роллинг, несмотря на чин, всегда был самым незаметным из всех армейских офицеров, – подумал Генрих. – И вот, на тебе: вешать саботажников. Волей-неволей пожалеешь, что Заграте не приходилось воевать».

С тех пор как захлопнулись Вечные Дыры и люди стали путешествовать между мирами на цеппелях, межпланетные войны практически сошли на нет: ни одно государство Герметикона не было в состоянии построить флот вторжения нужного размера. Да и не собиралось строить, потому что все помнили попытки захвата Бахора и Хансеи, закончившиеся позорным бегством остатков посланных войск. Генералы герметиконских армий проанализировали те события и сделали правильный вывод: в мелких и бедных мирах война способна принести успех, в крупных – никогда. А пото-

му Заграта, с ее сорокамиллионным населением, чувствовала себя в безопасности.

В результате королевская армия, даже самые лучшие ее части, была начисто лишена боевого опыта – подавление мелких бунтов не в счет, – а у офицеров, обучавшихся в престижных лингийских и каатианских военных академиях, отсутствовала боевая жесткость, которую с такой легкостью и такой естественностью продемонстрировал Роллинг. Да и не подкрепленные постоянным применением навыки постепенно терялись.

– Мы перейдем Касу по Старому мосту и двинемся на юг, – медленно произнес Генрих, внимательно глядя на сосредоточенных офицеров. – С собой я возьму бронетяги, импакто и кавалерию. Полковник Роллинг, полковник Алистер, начинайте выгрузку войск.

– Слушаюсь, ваше величество.

– Слушаюсь, ваше величество.

– Генерал Махони, вы остаетесь в Касбридже. Ремонтируйте мост, после чего выдвигаетесь следом. Учитывая разницу в скорости, вы догоните нас примерно вот здесь, в двухстах лигах южнее, сразу за Салуанскими холмами.

– А если пути будут разобраны? – хмуро поинтересовался генерал.

Сначала Махони почувствовал обиду – его, главнокомандующего, оставляют в тылу! Позор! Оскорбление! Потеря лица! Он даже хотел бросить Генриху что-нибудь резкое, од-

нако почти сразу сообразил, что король доверил ему половину армии. А это, как ни крути, высокая честь.

– Если пути будут повреждены, мы встретимся еще ближе к Зюйдбургу, – пожал плечами Генрих и тяжело оперся на трость. – Не волнуйтесь, генерал, без вас мы веселье не начнем. Нам нужны пехота и артиллерия.

– Нестор хотел ссадить нас с поезда, ваше величество, – мрачно произнес Роллинг. – Мне жаль, что у него получилось.

– Слабак, – прошипел Алистер.

Король дружески потрепал блестящего командира блестящих драгун по плечу и поинтересовался:

– Вы подозреваете подвох, Роллинг?

– Идет война, ваше величество. Война – это путь обмана. А Нестор дер Фунье, насколько мне известно, – человек войны.

А еще на войне время становится столь же ценным, как в Пустоте.

Совет Роллинга был хорош всем, кроме одного – он затягивал кампанию недели на две, а то и на месяц. Этого времени у короля не было.

– Нестор планирует дать сражение у Зюйдбурга. Разведчики докладывают, что вокруг города возводятся укрепления, а на заводах паротяги переделывают в паршивое подобие бронетягов. Нестор понимает, что лишь грамотная оборона позволит ему устоять против моей армии, но... Но он

ошибается. Мы его сокрушим!

– Да! – Алистер топнул ногой.

– Да! – Махони сжал кулаки.

– Да, – вздохнув, кивнул Роллинг. – Наверное.

Но в ушах Генриха стояла другая фраза наемника: «Война

– это путь обмана».

Война – это путь обмана.

Путь обмана...

Глава 3,
в которой Дорофеев изучает
историю вопроса, Помпилио
нанимает Мерсу, Мерса предает
Помпилио, Вебер тренируется, а
Бабарский и Галилей шлятся
по темным подворотням

– Да здравствует король! Да здравствует Трудовая партия! – провозгласил оратор, и весьма приличная по меркам Альбурга толпа – человек двести, не меньше – разразилась одобрительными воплями.

– Да здравствует свободная Заграта!

– Отстоим наш мир!

– Диктатура не пройдет!

– Не пройдет!

Зажигательный рев собравшихся привлекал внимание, и к толпе присоединялись всё новые зеваки. Ремесленники, крестьяне, сезонные рабочие, их было больше всего, однако стояли в толпе и другие люди. Одетые в чистые выходные костюмы и прогулочные платья рантье, чиновники, инженеры... И не просто стояли, а одобрительно кивали и поддер-

живали оратора:

– Да здравствует свободная Заграта!

Либералы, с удовольствием разделяющие «передовые» взгляды и с презрением относящиеся к «замшелой монархии».

– Да здравствует Трудовая партия!!

Оратор передохнул, наслаждаясь приветственными воплями послушной толпы, после чего приступил к основному выступлению:

– Граждане свободной Заграты! Ужасное преступление королевской полиции должно стать последним пятном на совести этих бешеных псов! Их челюсти готовы сомкнуться на завоеваниях нашей демократии...

Наглые слова оратора заставили Баззу Дорофеева скривиться – безобразный шрам от сабельного удара, пересекающий лоб и левую щеку капитана, придал лицу угрожающее выражение, – однако он промолчал. Расплатился с возницею, оставив на чай две марки ассигнациями, выбрался из коляски, одернул белоснежный парадный мундир офицера Астрологического флота Герметикона и мрачно осмотрелся.

За те два года, что «Амуш» не приходил на Заграту, привокзальная площадь не изменилась. Старинные дома с черепичными крышами, большой фонтан, в центре которого улыбается каменный Альстер II Шутник – веселый король лично спроектировал памятник себе, – и коричневая громадина вокзала. Всё на месте. Если что и поменялось, так это

люди, которые... которые, по мнению Дорофеева, должны были проводить воскресное утро где угодно, но только не на подозрительном митинге. В памяти Баззы заградитцы остались добродушным и приветливым народом, уважающим королевскую власть и далеким от сомнительных идей. Но с тех пор как наемная коляска вкатилась на столичные улицы, капитан не увидел на лицах прохожих ни единой улыбки. Подобие веселья наблюдалось только у митингующих, однако слова оратора вызывали не радость, а веселую злобу.

– Мы должны строго судить преступников в золотых погонах!

– Да! Да!!

– Всё правильно!

– Мы требуем принятия четких законов, защищающих права...

Базза покачал головой, поднялся по ступенькам – швейцар предупредительно распахнул тяжелую дверь – и вошел в прохладный полумрак холла Клуба цеповодов.

«Надеюсь, здесь я найду ответы...»

Потому что, как бы цепари ни отнекивались, именно они считались главными сплетниками Герметикона. И считались заслуженно. Новости и слухи цепари разносили между мирами куда быстрее газетчиков, а потому за точной информацией знающие люди шли в портовые кабаки. Или Клубы цеповодов. Если, конечно, их там ждали.

– Добро пожаловать, синьор Дорофеев! Рад видеть вас

снова.

Базза отдал фуражку лакею, рукой пригладил каштановые волосы и только после этого посмотрел на улыбающегося распорядителя.

– Взаимно, Гуго. Как в этом году с вином?

Мимику левой, изуродованной шрамом половины лица Базза контролировал с огромным трудом, а потому даже дружелюбные его улыбки выглядели несколько... натянутыми.

– В прошлом году урожай был лучше, вы оцените.

– Отлично.

Дорофеев покосился на свое отражение в зеркале, еще раз поправил мундир и прошел в главный зал.

Который, к его удовольствию, ничуть не изменился.

Облицованный серым камнем камин, бездействующий по причине теплой погоды, мягкие кресла, в которых так приятно полулежать, ведя неспешную беседу, толстые, скрадывающие шаги ковры на полу и обязательная для каждого отделения Клуба мраморная доска с именами самых великих цеповодов Герметикона. Открывал список Оскар дер Шет, легендарный капитан, командовавший самым первым цепелем Этой Эпохи. А седьмым, предпоследним, значился Якоб Дорофеев, родной прадед Баззы, считающийся национальным героем Верзи.

«Господа...»

Дорофеев отсалютовал великим, после чего внимательно оглядел расположившихся в зале капитанов. Компания воль-

ных торговцев небось прикидывают, как загрузить в свои цеппели побольше беженцев. Пара галанитов в форме Компании... При появлении офицера Астрологического флота они поморщились и удостоились ответной гримасы. Вздروгнули и отвернулись – всё правильно, благодаря шраму яростные гримасы получались у Дорофеева куда лучше дружелюбных. Трое хамокианцев – этих ребят с татуированными лицами ни с кем не спутаешь...

– Базза, дружище! Какими судьбами?

«Наконец-то знакомый!»

– У меня только одна судьба, Томми, – Помпилио.

Дорофеев крепко пожал приятелю руку и плюхнулся в соседнее кресло.

– Какого дьявола твой мессер позабыл на Заграте?

– Семейные дела, насколько я понимаю. – Базза кивнул официанту: – Белого прошлогоднего, что хвалит Гуго...

– Все ищите Ахадир?

– Никогда не занимались такой ерундой, – вздохнул Дорофеев. – Мы...

– Да ладно, Базза, уж мне-то мог бы сказать! – Томми заговорщицки подмигнул Дорофееву. – Все знают, что Ахадир – идефикс Помпилио.

Точнее – идефикс всех цепарей Герметикона, мечтающих отыскать легендарную священную планету не меньше, чем Изначальный мир или три потерянных планеты Ожерелья. Однако Базза был человеком прагматичным и в сказки не

верил.

– Ахадира не существует.

– Как и цеппеля Одинокой Матери, – поддакнул Томми.

– Как и цеппеля Одинокой Матери, – согласно кивнул Дорфеев. – Не поверю, пока не увижу.

– А как же это? – Томми торжествующе продемонстрировал Баззе первую полосу «Каатианского вестника». – Одинокая Мать появилась на Абакате!

Томми Джонс никогда не забирался дальше ближайших к Ожерелью планет Бисера, а потому обожал таинственные истории о необъяснимых событиях в дальних мирах, и жадно поглощал даже самые завиральные журналистские байки.

– Цеппель опять явился ночью, прошел сквозь вижилан и взял курс на север. А на следующий день сообщили о гибели небольшого города...

– Одинокой Матери не существует, – усмехнулся Базза.

– Кто же совершает убийства?

– Работорговцы, пираты...

– Жителей не похищают и не грабят, просто убивают.

– Одинокая Мать появляется только в приграничных мирах. На мой взгляд, одного этого факта достаточно, чтобы понять, что это или работорговцы, или пираты.

– Ни то ни другое! – замотал головой Джонс. – В газетах пишут...

– Томми!

– Базза? – Джонс поднял брови. – В кои-то веки я могу

поговорить с человеком, который лично облазил все миры Герметикона. Так что не мешай.

– В кои-то веки ты встретил человека, который не верит ни в одну из этих историй. – Дорофеев рассмеялся, удобнее устроился в кресле и поинтересовался: – Давно здесь?

– Да как сказать... – Томми глотнул коньяка. – Всего шесть часов, но уже второй раз за неделю. И седьмой за месяц. Ухожу в четыре пополудни.

– Открыли регулярный рейс?

– Почти.

– Беженцы? – осведомился после короткой паузы Дорофеев.

И услышал ожидаемое:

– Да.

Джонс был капитаном «Белой Птицы», сверхбольшого пассаера транспортной фирмы «Регулярные линии Северного Бисера», и обычно ходил по Ожерелью – гонять его вместительное судно на Заграту не имело коммерческого смысла. Теперь же, судя по всему, ситуация изменилась.

– Прибыль, Базза, проклятая прибыль, – проворчал Джонс после того, как официант доставил Дорофееву выпивку. – Сюда везем всякое дерьмо, а отсюда – перепуганных людей. Стоимость билетов задрали в три раза, но будь я проклят, если пустует хоть одно место.

– Что за «дерьмо»?

– Отребье со всего Герметикона, – не стал скрывать Том-

ми. – Подонки, почуявшие запах наживы... Ты в курсе, что здесь происходит?

Торопиться с ответом Базза не стал. Погладил левую щеку – приятель знал, что этот жест означает задумчивость, – глотнул вина: «Действительно неплохо!», после чего медленно ответил:

– Кто-то говорит, что мятеж. Кто-то – что гражданская война. А на площади горланят клоуны.

– Трудовая партия, – мрачно сообщил Джонс. – Те еще ублюдки.

– Чего хотят?

– Власти.

– Почему их не повесят?

– Потому что Генрих – слабак. – Томми допил коньяк и жестом велел официанту повторить: – Четыре дня назад полицейские разогнали несанкционированный митинг. Пару активистов задержали, еще парочку избили. В принципе, поступили по закону, но трудовики подняли в парламенте вой и требуют принятия Билля о справедливости. Хотят, чтобы полицейских наказывали за применение силы.

– Даже в том случае, если всё сделано по закону? – поднял брови Дорофеев.

– Сейчас в Альбурге говорят не о законе, а о справедливости, – хмыкнул Томми. – Большинство газет поддержали трудовиков и вопят, что король хочет воспользоваться мятежом и разогнать парламент.

– Врут?

– Скорее всего.

– А что король?

– Отправился на юг.

– Значит, все-таки война?

Томми посопел, испытующе глядя на Баззу, после чего осведомился:

– Тебе действительно интересно или у нас нет других тем для разговора?

Дорофеев понимал, что Джонсу не терпится вывалить на приятеля все известные ему факты, однако приличия должны быть соблюдены: ни один уважающий себя цепарь не хочет показаться сплетником. Необходимо подтвердить важность разговора, а потому Базза соорудил на искореженном лице предельно серьезное выражение и веско ответил:

– Дела Помпилио наверняка связаны с местными событиями, и чем лучше я в них разберусь, тем... гм... будет лучше.

И плотину прорвало.

– Тогда все в порядке, – повеселел Джонс. – Всё началось с угрозы голода...

– Какой голод, Томми? – Дорофеев недоверчиво посмотрел на приятеля. – Заграта – сельскохозяйственный мир.

– Они даже экспортировали продовольствие на Чурсу, – подтвердил Джонс. – А несколько месяцев назад, когда начался голод на Свемле, местные умники решили крупно заработать и сплавили им почти весь урожай северных провин-

ций. Потом же случилось то, чего никто не ожидал – неурожай, к которому добавился массовый падеж скота. Братья Доброй Дочери зафиксировали вспышку анилийской язвы, хотели даже закрыть планету на карантин, но король убедил их не принимать решительных мер. Одним словом, Заграте пришлось покупать продовольствие...

– В других мирах?

– Ага.

– А как же юг?

– Доберемся, – пообещал Томми. – Ситуация усугубилась тем, что король крупно вкладывался в развитие промышленности, брал большие кредиты, а незадолго до неурожая и язвы банки потребовали возврата долгов. Генрих расплатился, а буквально через две недели ему пришлось срочно закупать продовольствие для северян, половину из которого он роздал, а вторую половину продал за бесценок. Голода король избежал, но казну опустошил. Новый казначей посоветовал Генриху печатать больше бумажных марок, что привело к инфляции. В итоге новые заводы стоят, золото сожрали, а ситуация продолжает ухудшаться, потому что множество людей осталось без работы. Сезонные рабочие сбиваются в шайки и терроризируют провинции, полиция не справляется, а войска заняты мятежом.

– Так что с югом? – повторил Дорофеев.

– Когда начался падеж скота, Нестор дер Фунье убедил Братство ввести карантин по линии Касы. Сначала король

не понял, что случилось, а когда сообразил, что Нестор перестал отправлять на север продовольствие, взбесился и потребовал объяснений, но было уже поздно. Южане встали за Нестора горой – ведь на юге не было ни голода, ни падежа скота, – и он за несколько дней вышиб из семи провинций всех верных Генриху людей.

– С помощью народа? – скептически осведомился Дороев, поглаживая шрам.

– С помощью наемников.

– Значит, мятеж готовился давно... – Базза помолчал. – Неурожай мог быть случайным, а вот эпидемию анилийской язвы можно организовать. Было бы желание.

– Но кому это надо? – округлил глаза Джонс.

– Тому, кому нужна Заграта.

– Нестор устроил эпидемию?

Томми был хорошим капитаном, однако человеком предельно мирным, гражданским. Мятеж – еще куда ни шло, это он понять мог, а вот то, что кто-то мог сознательно заразить стада смертельно опасной болезнью, у него в голове не укладывалось. Но Дороев не стал настаивать на своей версии. Зачем? Ведь всё уже случилось, и теперь неважно, сама вспыхнула язва или нет. Важно то, что она помогла Нестору.

Базза вновь погладил шрам и, прищурившись на холодный камин, протянул:

– Но почему король не перенаправил народный гнев на мятежников? Следовало мобилизовать голодных и лишив-

шихся работы северян и направить их на юг. Нестор бы не устоял.

– Стравить между собой заграбийцев? – ошеломленно уточнил Джонс.

– Ага, – спокойно подтвердил Дорофеев. – Это разумнее, чем распылять силы, пытаясь одновременно тушить и север, и юг.

Жесткость приятеля выбила Томми из колеи. Он медленно, словно впервые увидел, оглядел Баззу, задержавшись взглядом на безобразном шраме, после чего криво усмехнулся и произнес:

– Генрих не хочет превращать мятеж в гражданскую войну. И я его понимаю.

– Избежать войны можно только одним способом – победить, – твердо произнес Базза. – А король, судя по твоему рассказу, на это неспособен.

* * *

«Когда всё началось? И почему всё началось? Кто виноват? Кто не справился? Король? Но даже я, человек, выросший в демократическом обществе, считаю Генриха II замечательным правителем. Можно даже сказать – идеальным правителем. Его законы и сбалансированные налоги превратили Заграбу в рай для предпринимателей, а начатая земельная реформа

может считаться образцом для подражания. Люди жили в достатке, а мир процветал. Чего же им не хватило? Чего? Или же склонность к разрушению есть бессознательная потребность человека? Или же мягкие законы развратили заграцийцев, привели к мысли, что можно требовать больше? Что король им обязан...

Или же все дело в проклятом неурожае? Но ведь голод так и не наступил, а заграцийцы все равно озлобились. И во всех своих бедах обвинили Генриха.

Всё правильно, он – правитель. Но он – хороший правитель. Или нет?

Я перестал понимать происходящее.

Почему первый же серьезный кризис заставил заграцийцев отвернуться от Генриха и сплотиться вокруг Трудовой партии? Почему они так легко начали называть себя «гражданами», хотя даже я, истинный бахорец, с гордостью считал и считаю себя подданным? Почему сезонные рабочие собираются в разбойничьи банды? Ведь король обеспечил их продовольствием... Получается, дело не в пустых желудках, а в лозунгах и требованиях, которые становятся всё более и более наглыми. Они хотят всего и уже не в состоянии остановиться.

Они перестали быть заграцийцами, превратились в толпу...

Вчера я узнал о нападении на поместье синьора Хансена – замечательного, энергичного человека, который, благодаря реформе Генриха, смог

стать землевладельцем. Он обустроил поместье по последнему слову техники и щедро платил рабочим. Два года назад я помогал ему наладить производство удобрений, а вчера узнал, что поместье сожжено, а синьора Хансена застрелили. Это сделали рабочие, которым он щедро платил.

Почему они это сделали? Разве Хансен был виноват в неурожае? Или же с него начали?

Куда всё катится?

И как мне от этого спастись?»

Из дневника Андреаса О. Мерсы alh. d.

Шипение становилось всё громче. Загнанный в атанор «чалый ворон» стремительно разлагался, выделяя необходимый для завершения процесса газ. Сейчас его количество в запечатанной печи росло с каждой секундой, и Мерса не отрывал взгляд от хронометра: реакция должна быть выверена до мгновения, поспешишь – не получишь нужного количества, опоздаешь – и давление разнесет старенький атанор на куски. И хорошо еще, если только атанор, случилось, что вместе с печью на куски рвало и бестолковых алхимиков.

Тридцать секунд...

Давление растет, напряжение растет, рука подрагивает у заглушки, и в этот миг некстати звякает колокольчик.

– Проклятье!

Обычно Мерса не запирает входную дверь во время работы, кричал посетителям, чтобы оставались в лавке, и спокойно заканчивал опыт. Добрые заградительницы с пониманием отно-

сились к трудолюбивому алхимику и не отказывались подождать. Однако события последних недель приучили Андреаса к осторожности, добрые заградительные стремительно менялись, и приходилось быть начеку.

Двадцать секунд...

Перезвон повторился. Шипение усилилось – газ рвался наружу, отыскивая в тщательно замазанных швах мельчайшие пробоины.

– Иду! – крикнул Андреас, прекрасно понимая, что не будет услышан.

«Еще чуть-чуть!»

Десять...

Колокольчик взбесился, однако Мерса заставил себя о нем не думать. Едва секундная стрелка встала на тройку, Андреас дернул за ручку, выдернув заглушку из стеклянной трубки, и газ устремился в колбу. Раскаленный до нужной температуры, он быстро смешался с поджидающим его «рассветным змеем», и на дне колбы появился искомый голубой осадок. Опыт завершен.

Алхимик выключил атанор, сбросил фартук и поспешил к двери, на ходу натягивая черный сюртук.

– Тысяча извинений! Миллион извинений! Я никак не мог... – И прикусил язык, сообразив, что раздраженный посетитель плевать хотел на его слова. – Здравствуйте.

На пороге стоял худощавый мужчина в элегантном костюме-тройке.

– Что... э-э... вам угодно? – Мерса поправил съехавшие на нос очки.

Посетитель скептически оглядел растрепанного алхимика через идеально чистые стекла пенсне, поджал губы, словно говоря себе: «Всё так, как я ожидал», и шагнул внутрь, на ходу снимая шляпу.

Мерса знал, что в его внешности не было ничего героического или же просто примечательного. Худощавый, среднего роста алхимик был обладателем тусклого лица, которое резко сужалось к подбородку, отчего казалось треугольным. Подбородок, соответственно, получился узеньким и безвольным, зато над ним скалой нависал мясистый нос, по обе стороны от которого прилепились серые пуговицы глаз. Мерса знал, что не производит впечатления, однако пренебрежение, с которым его оглядел незнакомец, выходило за рамки приличий. Стоило бы возмутиться, однако Альбург был не только загратийской столицей, но и сферопортом, а потому клиенты к Андреасу заглядывали самые разные, из всех уголков Герметикона, в том числе и из тех, где даже краем уха не слышали о приличиях. Будешь возмущаться – уйдет, обратится к конкуренту, а с работой сейчас не очень... Так что надо проглотить обиду и подождать, посмотреть, что за птица прилетела, и тогда уж решать, выставлять его вон или нет.

– Меня зовут Андреас Мерса, доктор алхимических наук, – с достоинством сообщил алхимик. – Я...

Посетитель поднял руку, призывая Андреаса к молчанию, не оборачиваясь, протянул визитку, на которой значилось короткое: «Теодор Валентин», а сам продолжил изучать помещение. Покосился на прилавок, цокнул языком при виде раскрытой бухгалтерской книги, рядом с которой лежали четыре грязные ассигнации, брезгливо поморщился при виде двух простеньких акварелей на стенах и в тот самый миг, когда раздраженный затянувшимся молчанием Мерса открыл было рот для вопроса, поинтересовался:

– Вас зовут Андреас О. Мерса?

Представление алхимика Валентин либо не расслышал, либо не пожелал расслышать.

– Да, – подтвердил Мерса.

– Четыре года назад ученый совет Гинденбергского университета Герметикона присвоил вам звание доктора алхимических наук?

– Совершенно верно. Но я хочу...

– Неважно.

Валентин выдвинул кресло для посетителей на центр комнаты, распахнул дверь и замер слева от нее. Не сообразивший, что происходит, Мерса вновь заговорил:

– Послушайте, я...

И снова был оборван:

– Постарайтесь произвести впечатление, синьор алхимик.

– Что?

А в следующий миг Валентин отчеканил:

– Помпилио Чезаре Фаха дер Даген Тур!

И в лавку медленно ступил адиген. Чистокровный адиген, насколько в этом разбирался несчастный Андреас. От кончика носа до распоследнего заусенца. Хотя... откуда у адигенов заусенцы? Маникюр этому вельможе с детства делают лучшие цирюльники Герметикона.

– Мессер, позвольте вам представить Андреаса О. Мерсу, доктора алхимических наук Гинденбергского университета Герметикона.

Андреас судорожно сглотнул и выдавил улыбку. Он искренне надеялся, что светскую.

Явившийся в лавку адиген был плотен телом и абсолютно лыс. Лет ему, как на глаз определил Мерса, было не более тридцати пяти – тридцати восьми, однако отсутствие волос, а главное – застывшее на лице высокомерие прибавляли Помпилио с десяток лишних. Расположившись в кресле – Валентин вытянулся за левым плечом хозяина, – адиген несколько секунд скучающе рассматривал алхимика, после чего жестом предложил ему стоять «вольно». Никогда раньше Андреас этого знака не видел, однако мгновенно сообразил, что это именно он. Или не он, но всё равно можно расслабиться.

– Теперь, когда ты знаешь, кто я, поговорим о тебе.

Голос у адигена оказался низким, довольно тяжелым, но приятным.

– Что э-э... вам угодно? – Мерса постарался взять себя в руки. В конце концов, это просто клиент. Необычный, но

клиент.

– Мне угодна коробка патронов пятнадцатого калибра, снаряженных «красным стерчем». – Адиген с отвращением посмотрел на акварели. – У тебя есть?

– Э-э... Разрывные пули?

Помпилио повернулся к слуге и презрительно поинтересовался:

– Ему незнакомо алхимическое обозначение боеприпасов?

Валентин кашлянул, и на его лице возникло то брезгливое выражение, с которым он разглядывал акварели безвестного загратийского художника.

– Необходимо смешать красную ртуть и «порошок мстителя» в пропорции... – заторопился алхимик, понимая, что едва всё не испортил.

– Достаточно, – махнул рукой адиген. – А если мне нужно, чтобы «красный стерч» бил хвостом?

– Для этих патронов потребуется ствол из жезарского сплава, обычная оружейная сталь, даже лучшей марки, не подойдет. – Мерса окончательно освоился и отвечал уверенно, на ходу припоминая всё, что знал из военной алхимии. – Но если...

– Мне нравится, что он не упускает мелочи, Теодор. Прошлый кандидат не спросил о жезарском сплаве.

Мало того, что лысый адиген перебил Андреаса, так он еще и говорил о нем так, словно алхимика не было в комнате,

совершенно не заботясь о соблюдении приличий и производимом впечатлении. Впрочем, Мерса еще ни разу не встречал кота, которого заботило бы мнение мышей.

– Прошлый кандидат сильно растерялся, мессер.

– Мне не нужны люди, которые теряются в самый неподходящий момент, Теодор, – назидательно ответил Помпилио. – Потому что именно в эти самые моменты они должны действовать максимально эффективно.

– Согласен, мессер.

– И дай мне пить. Я хочу пить. Я нервничаю, потому что твои кандидаты на поверку оказываются подозрительными личностями, знания которых не выдерживают критики. Неужели на всей Заграте нет толкового алхимика?

– Я не знаю, мессер.

Валентин извлек из внутреннего кармана пиджака плоскую фляжку, отвинтил крышку и протянул ее хозяину. По лавке разлился аромат превосходного коньяка.

Помпилио сделал глоток, улыбнулся и повторил. Теодор выразительно смотрел на алхимика, беззвучно произнося по складам: «Ну, ты и кретин». А временно оставленный в покое Мерса тупо изучал роскошное одеяние Помпилио.

На ценящей современную моду Заграте классический адигенский месвар считался архаичным, а ныне же, учитывая охватившее заграбийцев раздражение, носить столь дорогую одежду было и вовсе небезопасно. Однако Помпилио Чезаре Фаха дер Даген Тур плевать хотел на моду и осторож-

ность. Его ярко-красный месвар украшала искусная золотая вышивка, которая могла бы много что сказать знающему человеку. Но Мерса к знающим не относился, для него узоры были просто узорами, и он любовался ими до тех пор, пока промочивший горло Помпилио не соизволил вернуться к разговору.

– Мерса!

– Теодор, он вообще слышит? Ты что, нашел глухого алхимика? Он плохо видит и вообще ничего не слышит?

– Мерса!

– Да? – Андреас стряхнул с себя оцепенение. – Извините, э-э... что вы сказали?

– Мне понравилось замечание насчет жезарского сплава.

В переводе с адигенского: «не такой уж ты кретин». Мерса приободрился и попытался наладить диалог:

– Адир – ценитель огнестрельного оружия?

– Не адир, а мессер, – сурово перебил алхимика Валентин. – Вы и в самом деле глухой?

Помпилио выпятил нижнюю губу.

– Извините, я...

– Мессер не ценитель огнестрельного оружия, – продолжил слуга, не обращая внимания на робкое бормотание Мерсы. – Мессер – бамбадао.

Алхимик осекся.

«Бамбадао? Это толстое, лысое и капризное существо? Этот наряженный в пух и перья чванливый дворянин?»

Мерса был далек от боевых искусств, однако знал, что учителя Химмельсгартна не видели разницы между простолюдинами и адигенами – безжалостным тренировкам подвергались и те, и другие. И титул бамбадао означал, что «толстый, лысый, капризный, высокомерный, наряженный в пух и перья дворянин» с честью преодолел такие испытания, на фоне которых даже выдуманная чиритами Преисподняя показалась бы курортом.

– Так что насчет «красного стерча, бьющего хвостом»? – осведомился Помпилио, делая очередной глоток из фляжки. – Или столь сложный заказ выходит за рамки твоей образованности?

– К сожалению... э-э... мощности моего атанора не хватит для изготовления таких боеприпасов, – вздохнул Андреас. Он очень хотел протереть линзы очков – он всегда так делал, пребывая в глубокой растерянности, но понимал, что этот жест не понравится наглому адигену.

– Ты купил плохую печь?

– У меня нет никакой печи, мессер. Всё, что вы здесь видите, принадлежит не мне, а... э-э... доктору Мейджору. Он удалился от дел и передал мне практику, теперь я выплачиваю ему...

– Неплохо, Теодор, я доволен, – Помпилио вновь обратился к Валентину. – У него нет семьи, нет лаборатории. Только долги. Другими словами, его ничего здесь не держит. Я доволен.

– Спасибо, мессер.

– И квалификация его, наверное... наверное, подходящая. В конце концов, он знает о жезарском сплаве. Этому, разумеется, учат еще на первом курсе алхимических заведений, но сей кандидат, по крайней мере, посещал лекции.

– Совершенно с вами согласен, мессер.

– Могу я узнать э-э... о чем идет речь?

– У меня есть электрический атанор нужной мощности, – сообщил Помпилио с таким видом, словно объяснялся с нерадивым служащим. – В нем можно изготавливать не только боеприпасы класса «красный тигр», но и вообще любые известные боеприпасы. И неизвестные, являющиеся моими личными секретными рецептами. Скажи, Мерса, ты готов хранить мои личные рецепты в глубокой тайне?

– Вы хотите меня нанять?

Как и любой алхимик, Андреас был совсем не прочь оказаться при дворе богатого аристократа. Хозяин требовал удобрения для полей, патроны для охоты, фейерверки для праздников и лесты, хозяйка требовала «уникальную» косметику и много лесты. Запросы эти удовлетворялись без особого труда, и оставалась масса времени на научные изыскания – именно так описывал свое безбедное существование однокурсник Андреаса, шустрый Станислав Лен, который уже написал две монографии и готовился штурмовать степень магистра. Но Станиславу повезло с аристократом, он обосновался у флегматичного верзийского дара. А вот пер-

спектива работы на чванливого Помпилио вызывала у алхимика серьезные сомнения.

– Вы хотите меня нанять?

Мерса хотел добавить, что он вполне доволен жизнью и не желает покидать Заграту, где у него отличная практика, но... Но наспех подготовленная речь пропала.

– Еще нет, я думаю. – Помпилио вернул Валентину фляжку и свел на животе руки. На коротких толстых пальцах сверкнули перстни, каждый из которых стоил больше, чем алхимик зарабатывал за год. – Мне сказали, ты с Бахора?

«Начинается...»

Адигены не доверяли выходцам из республиканских миров. Наверное, правильно делали, однако Андреас почувствовал себя уязвленным.

– Я... э-э... не сказал, что хочу работать на вас, мессер.

– Сейчас мы говорим о Бахоре, Мерса. Ты оттуда?

– Совершенно верно.

Помпилио покачал головой.

– Я бывал в Бахоре, приятный мир.

– Э-э... согласен.

– Ты там родился?

– Да.

– Почему не стал фермером, как твои родители?

– Потому что с детства мечтал стать алхимиком.

– И упросил отца поделиться сбережениями? А потом, вкусив прелести больших городов, не стал возвращаться на

родину?

Если адиген хотел вывести алхимика из себя, то ему это не удалось. Мерса покраснел, но ответил спокойно:

– Мои родители погибли во время урагана, когда мне было пятнадцать. Я продал ферму и купил билет на Герметикон.

– Но поступил не сразу, – хмыкнул Помпилио, демонстрируя неплохое знание биографии Андреаса.

– Образование на Бахоре дают не самое лучшее, и чтобы поступить в Университет, мне... э-э... пришлось нагонять сверстников. Я работал учеником алхимика, а по ночам учился. Поступил на следующий год.

– Как ты стал доктором в столь молодом возрасте? Из университета выходят бакалаврами.

– Я вышел на три года позже, – уточнил Мерса. – Меня и еще одного студента заметил магистр Озборн, и мы... э-э... работали под его руководством. И после сделанного открытия...

– Он упорный, – сообщил Помпилио слуге. – Внимательный и упорный. Возможно, он и в самом деле подойдет.

Валентин кивнул. Мерса вновь попытался сообщить, что не намерен рассматривать предложение адигена, и вновь не успел.

– Ты изучал устройство цеппелей? Работу с гелием? Работу с аккумуляторами? Ну и всё прочее, чем занимается на борту алхимик.

– В университете в обязательном порядке читают курс по

цеппелю.

– Он говорливый, – заметил Помпилио.

– Полагаю, он волнуется, мессер.

– Допустим. – Адиген вернулся к алхимику. – Как ты, наконец, заметил, Мерса, меня не интересует университет. Я говорю о тебе.

Андреас понял, что избежать высокомерных замечаний Помпилио можно только одним способом: предельно точно отвечать на поставленные вопросы.

– Я изучал устройство... э-э... цеппелей и получил за него наивысший балл.

– К тому же тебя характеризуют как неплохого человека...

– Могу я узнать, кто?

– Начальник полиции, – ответил Валентин, поскольку адиген не счел вопрос заслуживающим внимания.

– Синьор Якобсон?

– Начальник всей полиции Заграты, – уточнил Валентин. – Генерал Джефферсон.

Мерса вытаращился на Помпилио:

– Вы с ним знакомы?

– Это он знаком со мной, – проворчал адиген.

– Мессер – кузен вашего короля, синьор алхимик, – объяснил Валентин с видом учителя, вдалбливающего в тупого школяра прописную истину.

«Кузен?!»

Однако уже в следующее мгновение Мерса вспомнил, что

адигены называют кузенами всех дальних родственников. Даже настолько дальних, что родство не в каждой книге отыщешь. То есть – любого адигена-ровесника. К старшим же обращались «дядюшка» или «тетушка».

«Так, пора расставить точки над i».

Андреас глубоко вздохнул и твердо, как ему казалось, начал:

– Мне очень приятно, что столь высокородный синьор интересуется моим... э-э... прошлым, но я предпочел бы вернуться к делам...

– Я потерял в Пустоте корабельного алхимика, – в голосе адигена мелькнула грусть. – Полагаю, ты сможешь его заметить.

– Э-э... – Мерса сглотнул. – Хочу заметить, мессер Помпилио, меня вполне устраивает моя... э-э... жизнь. Скромная практика, тихий мир, очевидные карьерные перспективы, возможность уделять много времени научным... э-э... изысканиям...

– Поэтому ты пытался купить билет на пассер до Тинигерии?

– Откуда вам это известно?

– Загратийская пограничная стража подчиняется загратийской полиции и фиксирует всех, кто планирует покинуть мир, – сообщил Валентин. – Я просмотрел все документы, которые у них есть на вас, синьор алхимик.

– Это возмутительно, – пролепетал Мерса.

– Обычная практика, синьор алхимик. Вам ведь предлагают поступить на службу в Астрологический флот Герметикона. А туда кого попало не берут.

– В Астрологический флот?

Адиген из рода даров, бамбадао, а теперь еще и Астрологический флот? А как же замок? Охотничьи патроны, удобства и косметика для жены? Всё смешалось в голове Андреаса, превратилось в шум, сквозь который едва долетали чеканные слова Валентина:

– Мессер Помпилио – командор Астрологического флота, синьор алхимик. Принадлежащий ему цеппель «Пытливый амуш» является исследовательским рейдером и входит в состав Флота. Поэтому для нас очень важно иметь на борту высококлассного алхимика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.